

ИЗБРАННОЕ

НИКОЛАЙ Задорнов

Ветер плодородия
Владивосток

Николай Задорнов

Ветер плодородия. Владивосток

«ВЕЧЕ»

1992

Задорнов Н. П.

Ветер плодородия. Владивосток / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 1992

ISBN 978-5-4484-8599-2

В очередной том «Избранного» произведений известного русского писателя Николая Павловича Задорнова (1909–1992) вошли два его романа одновременно о российской внутренней жизни и о международной. Первый – «Ветер плодородия» – о важнейших для России договорах с цинским Китаем. Это Айгунский договор о границах между странами по Амуру, заключенный губернатором Сибири Н.Н. Муравьевым, и Тяньцзиньский трактат, подписанный графом Е.В. Путятиным. Впервые читателю также предлагаются две части последнего романа автора – «Владивосток», посвященного основанию и развитию нового города на берегу Тихого океана и его определяющей роли во всей истории государства Российского. Особое внимание в нем уделяется непростым отношениям царской России и других держав и закулисным играм их правителей.

ISBN 978-5-4484-8599-2

© Задорнов Н. П., 1992

© ВЕЧЕ, 1992

Содержание

Ветер плодородия	8
Книга первая. Встреча на Амуре	9
Глава 1. Торгованы	9
Глава 2. Князь И Шань	17
Глава 3. Айгунский договор	22
Глава 4. Письмо	29
Глава 5. Нефритовая башня весны	31
Глава 6. Дипломатический обед	35
Глава 7. Донские казаки	42
Глава 8. Низовья реки	45
Глава 9. Православный посланец китайского богдыхана	52
Глава 10. Бар реки Пейхо	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николай Павлович Задорнов

Ветер плодородия. Владивосток

© Задорнов Н.П., наследники, 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Николай Павлович
ЗАДОРНОВ
(1909—1992)

Дорогой читатель!

Вы держите в руках книгу, состоящую из последних романов писателя Николая Задорнова. Роман «Ветер плодородия» – это последнее, прижизненно опубликованное произведение писателя. Но еще остался не доведенным до конца и, конечно, неопубликованным роман «Владивосток». Отцу очень хотелось рассказать своим читателям историю основания и развития города, который, по его же словам: «повернул мою голову на Восток, на Тихий океан».

По задумке отца роман этот должен был состоять из четырех частей. Первая – «Богатая грива» – воспоминания главного героя предыдущих книг, Алексея Сибирцева, военного губернатора Владивостока в конце XIX века, о том, как проходили определение и опись дальневосточных границ, открытие бухт, заливов и новых мест для заселения края. Желание владеть этим краем было и у других держав. Надо было доказать, что здесь испокон веков были русские поселения. Автор старается заострить внимание на том, с каким патриотизмом и энтузиазмом выполняли свою работу все члены экспедиций. Их не останавливали ни трудности, ни лишения, ни тяготы. Все делалось ими для своей страны, для будущего России.

О сложности международных отношений того времени, о вечном желании крупных держав главенствовать в мире, вести интриги, разжигать ненависть у других государств к России рассказывается во второй части – «Константиновский сезон».

Пока нет возможности представить читателю следующие две части: «Тайпинское восстание» и «Цусима». Эти названия говорят уже сами за себя и подсказывают, к каким важным событиям хотел писатель подвести читателя.

Для осуществления своих серьезных замыслов писатель работал в российских архивах, кропотливо изучал источники, находил людей, готовых предоставить материалы из архивов других стран. Им собрано огромное количество документально подтверждающих все материалы. Это дало ему возможность понять ход мысли его персонажей, проникнуть вглубь их взаимоотношений.

Сегодня нет сложностей в получении любых сведений. А Николай Задорнов создавал свои произведения в годы, когда, по сути дела, не было ни интернета, ни Википедии, поэтому написанию романов предшествовала большая работа, и надо было понимать, что и где искать. Изучение переписки, личных дневников интересующих его лиц дало возможность отцу глубже понять их размышления и действия, почувствовать их настроение. Мне кажется, все, что касается международных отношений в романах отца, актуально и сегодня, а может, даже стало актуальней, чем прежде.

Как дочь, я очень хочу, чтобы, читая эти два произведения, вы почувствовали, как отец любил Россию, как хотел побудить молодых людей к познанию истории своей страны, к подвигам.

Я благодарна Велте Задорновой, Анне Горельниковой, Надежде Гордиенко за их помощь в подготовке этого материала к изданию.

Особая благодарность главному редактору издательства «Вече» Сергею Николаевичу Дмитриеву, который предложил не только переиздать романы Николая Задорнова, но и включить неопубликованное.

Пусть пока хоть часть последнего произведения увидит свет!

*Людмила Задорнова
Рига, сентябрь 2020 г.*

Ветер плодородия

ВЕТЕР ПЛОДОРОДИЯ

Книга первая. Встреча на Амуре

Глава 1. Торгованы

...Русские купцы и победили. Победили бедность и безвестность, буйную разногласицу чиновных мундиров и надутое чванство дешевого, съюсюкающего и картавящего дворянства.

Ф. Шаляпин

Сибирцев находился на барже с артиллерийскими орудиями и с грузами в трюме, в отдельной каюте на корме, а его матросы на ночь подвешивали гамаки в жилой палубе, как на корабле. На берегах Шилки вербы стали заметны. Вышли на Амур, и там берега в ивах и всюду вербы, как на празднике. Алексей Николаевич плыл по этим рекам впервые. На устье Амура и в Приморских гаванях бывал после кругосветного путешествия, а возвращался оттуда вокруг Африки и через Европу.

Местами лежал снег в разлогах, кое-где видны льдины в заливах и на протоках.

Амур пошел к югу, стало теплей.

Спокойно на барже, шедшей самосплавом и под парусами, с командой из возвращавшихся после отпуска матросов. Как и они, Алексей мог бы отдыхать в речном плавании. Потенное смятение и перемены настроений не давали ему покоя. Впрочем, и у матросов бог знает что на душе. Нелегко опять надолго покидать близких. Для Тихого океана незаменимы бывалые в кругосветных плаваниях моряки, про них вспомнили. Казаки, шедшие на той же барже и называвшиеся тут лоцманами, содержали судно и груз в порядке, следили за водой в трюме, мыли палубу и несли охрану.

Прошло немало времени с тех пор, как Алексей вернулся из Англии. У него хватило здравого смысла уклониться там от исполнения побочных поручений Муравьева. Николай Николаевич желал ему познакомиться с Герценом, который нынче у всех на устах, модно потолковать о нем, Алексею довольно противна эта болтовня.

С Герценом уж если знакомиться, то не походя, не для того, чтобы потом прихвастнуть, а уж как следует погнаться, может быть, проникнуться и воодушевиться. Но зачем я ему? Да и мне самому сначала надо знать, ради чего желаешь поучений и подвергаешь себя риску. Славы и ореола мученика в изгнании еще мало, чтобы во все поверить. Кстати, лондонские друзья Алексея говорят про Герцена, что живет он совсем неплохо. Ради такого знакомства опять под подозрение попадать или идти в тюрьму нелепо, когда есть своя не менее, может быть, значительная цель, чем у Герцена, о которой, кажется, и он знает. Наташа Эванс, жена англичанина, приятеля и однокашника по петербургской гимназии, бралась ввести Алексея Сибирцева в дом знаменитого писателя. В Лондоне за Герценом присматривают не только англичане, шпионы нашего царя следят за каждым его шагом, а государь, говорят, читает его сочинения и желает извлечь из них пользу. Если я пошел с Муравьевым, то должен отказываться от всего остального, какие бы ни были посулы и заманчивые виды на карьеру. Да и на сердце нелегко, ноет. «Кто уходит на охоту, тот теряет свое место». Надо бы это изречение на паспортах печатать отъезжающим в путешествия.

Да, могло стать, что Муравьев, отправляя Сибирцева в Лондон, пытался установить через него знакомство с Герценом. Играл надвое. Танцевал на острие бритвы его превосходительство! Подавал надежды высшим чиновникам, что Сибирцев может оказаться полезным своей деятельностью, через какое бы ведомство или министерство она ни шла и для которой не всякий годен. Составив лестное мнение о воспитании, понятиях и характере Алексея Никола-

евича, он, видно, надеялся, что сделает со временем персону. Алексей сумел не потрафить, а дело сделал в Лондоне. Какая бы блестящая карьера ни была ему обещана, он не желал стать Бенкендорфом. Стать Путятиным, но не таким, каков Евфимий Васильевич на самом деле, а каким он должен быть по современным понятиям? Путятин когда-то обратил на себя внимание и обрел милость покойного ныне государя Николая Павловича. Подвигами в морских боях, а потом на службе военно-морским представителем в Англии. В королевском яхтклубе на Вайте государь обогнал лордов на гонке вокруг острова с новым Осборнским замком. Приз получил государь, а заслужил его Путятин. От подобной чести и Алексей не отказался бы.

Алексей желал бы довести дело до конца и основать пост, а потом и город с крепостью, но не на Амуре, а на море, в самой удобной южной гавани, одной из тех, которые теперь как связка приманок для моряков всех флотов, как гроздь бананов для обезьян. А его определяли на малую должность, как Гринева в Белогорскую крепость.

Отец, провожая, упомянул о предстоящем освобождении крестьян, что все великие предприятия начинаются с малого, а дорогие закупки в иностранных портах делаются на деньги, добытые нашим мужиком. Дипломатическая деятельность и военная сила зависят от трудолюбия и мастерства работника и земледельца.

Алексее придется ждать решения своей участи в Усть-Зейском посту. Он отвык от шика и блеска, которых насмотрелся в своих плаваниях и в столицах. Неужели ему придется стать начальником Усть-Зейского поста и строить новый городок?

В среднем течении Амура будет не поселок и не станица. Там должен построиться настоящий город. Пока это Усть-Зейский пост. Батарея, казарма. Будет верфь. Заведены огороды. Там уже нынче закладывается церковь, для чего отправится на Зею епископ Иннокентий. Со временем, как уверяют, будет духовная семинария, то есть пропагандистское бюро, для привлечения к нам тунгусов, гольдов, солонов, маньгров и всех других инородцев. Опять-таки на средства российского люда. Будет базар, ярмарки с участием китайских купцов, на что еще нет трактата, но приграничное население, которое никаких запретов не признает, уже давно торгует между собой. Это всегда бывало, хотя закон китайский запрещает торговлю подданным Поднебесной империи с нами везде, кроме как на Кяхте. «Вот вы были, Алексей Николаевич, в Гонконге, – уговаривал губернатор, – знаете, каков там размах, знаете торговлю в Петербурге и Москве, в Великобритании и на Капском мысу, вам и карты в руки». Купцы сразу запросились в новый край. Их баркасы идут вместе с караваном казенных барж. Они как утята подросшие, то и дело отлетают, уплывают от судов, идущих под нашим флагом под командованием генерала Муравьева, и от больших барж, на которых богатые сибирские купцы оборудовали целые магазины. В новом городе уже нынче велено заложить школу. Построены казарма, склад, лодочные сараи.

Конечно, место любопытное. Но не оживлено для Алексея никаким чувством. Губить молодые годы в захолустье! Охота будет хорошая, уток всегда много и разной боровой дичи. Может быть очень занимательной жизнь в новом краю, если ее начинаешь сам. Конечно, это более подходит женатому, семейному, тут ведь закладывается зародыш чиновничества и казенщины, да еще при границе. Редко встретишь в этих краях образованного офицера. У Муравьева многие произведены из солдат. Это крепкие орешки. Их-то и посылает он командирами и начальниками на новые посты в тайгу, где все надо начинать с осушки болот и рубки леса. И может быть, с такими людьми Сибирцев ужился бы. А у китайцев своя мелкая бюрократия. Рыбак рыбака видит издалека. Алексей себя знает, он тут займется исследованиями, изучением языков.

А все-таки будет тоскливо и скучно, и прекрасные берега могут наскучить. Напротив поста Усть-Зея, на другой стороне реки, находится Сахалин Ула Хотон, или кратко – Сахалин, что-то вроде китайской деревушки. Бедное северное население. При нем полно сыщиков и полицейских, которые сами такие же оборванцы, как обыватели. И мелких рангов мандаринов.

Каково это после знакомства с китайцами Кантона и Гонконга! Не очень-то тянет Алексея в стоящий рядом с Сахалином маньчжурский городок Айгун, с цитаделью и ямынем, в котором находится сам амбань. Оставаться тут надолго не хотелось бы. Алексей согласен вытерпеть год-другой, но он идет с потаенной целью, хотел бы надеяться, что уже в этом году будет послан дальше, на открытие южных гаваней. Либо морем, либо по рекам вместе с молодым ученым Венкжовым. Михаил Иванович идет с этим же сплавом в составе экспедиции на другой особой барже, предназначенной для ученых, находящихся в подчинении у Муравьева. Там у них кони, вьюки, мешки, ящики, инструменты, оружие. Последуют до устья Уссури, а потом по ней, против течения, к югу, в верховья. С Сибирцевым дело все же окончательно не решено. Велено быть наготове.

– Сигналят, Алексей Николаевич, – доложил казак.

Муравьев вызвал к себе на генеральскую баржу. Сидя в салоне и глядя несколько испытующе, Николай Николаевич напомнил, что Сибирцеву предстоит в Айгуне. На него возлагается важнейшее поручение, как на офицера, знакомого с артиллерией и владеющего китайским языком. Показать китайцам пушки из путятинской, во Франции закупленной Евфимием Васильевичем для Китая артиллерии, которую Пекин согласен принять, но не принимает, отказывается от доставки через Монголию по той причине, что якобы народ там глупый и ему такие пушки показывать нельзя. А на самом деле – опасаясь, чтобы монголы не захватили эту французскую артиллерию. Но и не только в этом суть.

Вот и надо заинтересовать китайцев, попытаться передать для образца два орудия, показать их действие, выбрать для этого удобную площадку или отдельный остров, каких вблизи Айгуна много. Муравьев знал, что у Сибирцева есть свой взгляд на все это, – зачем, мол, убеждать китайцев, учить их тому, чему они обучены? Сибирцев в Гонконге видел на китайских джонках современные пушки. Но дело поручалось ему. В посольстве известные знатоки китайского языка, дипломатические чиновники, но не знают военного дела, поэтому вменяется в обязанность Сибирцеву не только быть переводчиком, но и все посредничество при передаче пушек, документация. Он наблюдателен, знает китайцев, уловит и услышит то, на что ухо дипломата не обратит внимания, это у него получается само собой.

Беседуя в салоне, у широкого окна с проплывавшими пейзажами Приамурья, генерал как бы советовался, говорил как со зрелым и бывалым мужем; лестно, конечно, да что толку? Муравьев зорко наблюдал за ним.

По молодости Алексей готов пренебречь предосторожностями, дать честный совет.

– Стоит ли все же, Николай Николаевич? Ведь это затея Евфимия Васильевича, а вы сами не согласны.

– Эта затея одобрена государем. Откуда вам известно, что я не согласен с передачей артиллерии Китаю? Я вам этого не говорил.

– Мне никто не говорил. Но вы всегда были не согласны с Путятиным. По вашему мнению, сначала надо образовывать свой народ...

Муравьев молча выслушал возражения Сибирцева и начал угрожающе махать в воздухе указательным пальцем.

– Батареей будет командовать полковник Иванов. Объяснять и все остальное – вам. Делать что не по душе! Но извольте исполнять. Мне самому не всегда и не все по душе. Имейте в виду, что Евфимий Васильевич Путятин – искусный дипломат, он уклончив, безукоризненно вежлив и на вид даже мягкотел, но на самом деле непоколебим, его поступки всегда рассчитаны, он изучает каждое дело основательно, прежде чем браться за него. Алексей Николаевич, мы еще вернемся к делу, но помните, что Айгун близок, до начала переговоров остаются считанные дни.

Сибирцев повторил, что, бывая в южных морях, в Гонконге в плену, он видел, какими новейшими орудиями вооружены некоторые джонки китайских торговцев и пиратов, не говоря

уж про торговые суда европейцев. Там можно получить за деньги любое совершенное оружие и сделать это тайно. Путятин там был давно и недолго и не знает, что там теперь творится. Китайцы не захотят быть от нас зависимыми, они не примут артиллерию, в чем вы убедились, получив из Пекина согласие, а по сути – отказ.

– Вы моряк! – заметил Муравьев. – Вот я и везу пушки разного калибра для наших крепостей, а для китайцев только два орудия, а остальной груз дружбы лежит на границе и ждет востребования из Пекина. Если не примут – их дело. Мы покажем дальноточность пушек, меткость наших наводчиков и как управляется прислуга, с которой никаких пиратов сравнить нельзя.

Сибирцев подумал, что, пока китайцы раскачаются и решатся принимать, в Петербурге, чего доброго, политика переменится.

Придя в Усть-Зею, Алексей должен будет ждать приказа Муравьева. Матросы – хорошие друзья и спутники по скитаниям, служили с Сибирцевым на «Диане», были в японской экспедиции. Есть двое молоденьких, новички. Есть матросы старше и опытней Алексея, но все по какой-то причине его побаиваются. Какая-то слава его их настораживает. Маслов, теперь сдавший экзамен и произведенный в штурманские прапорщики, первейший моряк, и тот при Алексее тише воды ниже травы, смолкает, ждет приказаний. Над Масловым подшучивают товарищи: «Курица – не птица, прапорщик – не офицер, его жена не барыня...» Все грамотные, по службе беспрекословно подчиняются Маслову. Как и прежде, в японской экспедиции и в плену, когда был он старшим унтер-офицером.

Так после Лондона, после приманок блестящей карьерой, после шика и блеска на русские деньги – в захолустье, на новый пост Усть-Зею! А там в зиму – картеж, водочка, сплетни, казенный паек, поездки в Айгун, в китайскую харчевку, в обжорку за ханьшином. Но может быть, в новую экспедицию? Куда же? Взялся за гуж – не говори, что не дюж. Намекали Алексею Сибирцеву, что желательно бы давать ему поручения не только по министерству иностранных дел. Не затем ли его и развлекали в III отделении? Изучали? На досуге бог знает что в голову лезет. Была и у них какая-то цель! У матросов в головах семьи, оставшиеся в Питере. Они почти все женаты – не как Алексей; им можно и есть о ком поскукаться, пока идут по реке и когда останутся с ним на Усть-Зейском посту. Жизнь без штормов, а паруса на барже риска жизнью не требуют, и управляться с ними просто, даже казаки умеют.

Муравьев и Сибирцев после разговора о делах вышли на палубу, судно обогнуло близкие скалы. За ними увидели глинистый берег и березовый лес, как в легком зеленоватом тумане. Сразу вышли из весны в лето, как по манию волшебства. До сих пор все было серо на берегах, а обошли утес – всюду зелень.

– Лето начинается! – сказал Николай Николаевич. – Надо спешить!

Навстречу, вверх по течению, под правым берегом, шла маньчжурская сампунка со значком батальонного мандарина на мачте, десятка полтора китайцев тянули ее бечевой. Это пограничный обход по реке.

Муравьев велел Сибирцеву спускать шлюпку, идти, встретить маньчжура и поговорить.

На всем ходу, лихо, Маслов, держа вельбот как яхту и едва не касаясь парусами волн, срезал нос сампунке, а Сибирцев крикнул по-китайски, приглашая приставать к берегу.

На берегу за обедом с маньчжурами разговор затянулся. Простились дружественно. Сампунка пошла вверх, а шлюпка Сибирцева – вниз. Ветер нанес туман. Заночевали на берегу, в пустом охотничьем шалаше. Утром пошли вдогонку сплава, исчезнувшего в дождях и в весенних туманах. Гудков парохода не слышно.

Амур разбился на протоки, потом опять слился. Ветер стал крепчать, пошли волны, разыгрался шторм, как на море. Шлюпку стало заливать. Парус и мачту убрали, гребли к берегу, непрерывно отчерпывая воду. Попали в наносник. Не успевали отталкивать лесины. Из мутной воды выкатила на волне огромная столетняя липа, вырванная в прибыль с корнями, и,

поворачиваясь, ударила шлюпку острыми сучьями. Алексей заметил на ветвях зазеленевшие листочки. Первая липа, которую увидел он после хвойных и березовых лесов! Шторм, ветер, бортовая доска разбита. Матросы отчерпывают воду. Ухватились баграми за ствол лесины. Алексей с Масловым осматривают, нет ли других пробоин. Догребли до острова. Шторм отстоялся в протоке, вытащив шлюпку на обрыв. Плотник «зашил» борт доской.

Раннее лето, липа на берегах, мы входим в благодатный край, подумал Сибирцев, поднявшись с матросами на борт подобравшего их купеческого баркаса. Шлюпку повели на буксире. А за ней пляшет на волне плоскодонка хозяина плавучей лавки. На баркасе склад товаров, жилое помещение, нары, печка, запасы продовольствия и оружие. Тут можно купить тульское ружье и винтовку местной работы.

– Бог даст, добежим! – говорил скуластый приземистый хозяин.

– Шлюпку окало двумя лесинами. Шлю много плавнику поверху и в воде; окало, как льдами, – говорил матрос Степанов, беленький, рослый, плечистый детина с усиками. – Она бы отошла от удара, на плаву стойкая и ходкая, какими бы сучьями по ней ни бить... А тут сжало. Сухари пришлось поднять, жерди уложили поперек банок. Шлюпка не пароход.

Матросы приладили к мачте баркаса косой кливер. С берегов сошел туман, видна густая зелень и цветы.

Хозяин велел матросам повесить мокрые сапоги над печкой. Моряки босые на чистой палубе в теплый день почувствовали себя как в тропиках.

У купца работник Куприян, пожилой, и второй приказчик – Иван, или, как звал его хозяин, Ванча, совсем молоденький, смугловатый, как все, кто лето и зиму на вольном воздухе, а лоб, когда подымает картуз, – белый, как от другого лица. Ванча быстрый, шустрый, за словом в карман не полезет. Неустанно расспрашивал на досуге Сибирцева и матросов.

Молод, но повидал на своем веку – дивно! И еще хотел бы повидать. С хозяином плывет на расторжку не первый раз. В прошлом году видел графа Путятина. Граф ездил зимой по Забайкалью на лошадях, потом по Амуру уехал в Китай, следом за льдами. В Усть-Стрелку приехал с колокольцами по льду. Казаки Усть-Стрелочной станции встречали в конном строю. Палили из пушек, и эскадрон дал залп. Адмирал поздоровался с казаками. Пообедал у атамана. Ему показали джигитовку. Переменяли лошадей, и уехал обратно. Потом по Амуру пошел водой в Китай следом за льдами.

– Я его в первый раз видел, когда он еще не был графом. Три года тому назад, еще война шла, Иван при этом же хозяине плыл вниз по реке и утром обомлел: пароход стоит на якоре. Хозяин послал Ивана в лодке узнать, не надо ли чего проезжающим. На пароходе оказался свой лоцман, из станицы, казак Маркешка Хабаров, с ним Ванча поговорил. Маркешка пояснил, что все есть у самих, но уголь кончается, а ты, мол, говори тише, адмирал еще спит. Проснется, механики подымут пары, и пойдем против течения. Спросил, а что, мол, дома и как наши и все такое... Вот когда еще узнал Ванька Бердышев про Путятина.

– А потом, сказывали, у них пароход сломался, и они вели его бечевой, подымали против течения. Адмирал сам шел с лямкой на плече, запевал песню, чтобы работалось дружнее. Все подхватывали. У нас в станице увидели с вышки, подумали, не беглые ли. А где теперь Путятин?

– В Китае, уж второй год. На самом юге, где зимы не бывает, – объяснил Маслов.

– И яблоки там растут?

– Яблоки! Не только что... Разве там одни яблоки!

– Вот дивно...

Теперь Ивану восемнадцать лет. Он хороший работник у купца, знает реку, ходил по ней трижды, а в этом году идет в четвертый раз.

В этом году Иван с позволения прихватил свой товар. Хочет разбогатеть, знает места, где соболей, как говорится, хоть бей коромыслом. Гольды меняют охотно на русский товар, особенно на скобяной и на топоры. А еще охотней на винтовки-малопульки, которые делают и в Шилке, и на других железных заводах, и даже в Усть-Стрелке. Иван нужен купцу, тот не обходится без него: посылает в лодке по деревням на расторжку и свой, бердышевский, товар разрешает брать на мену.

Туман и дождь. Река широкая. Где мы? Не знаем. Не можем в дожде найти берега. Ищем Усть-Зейский пост. А нас, может быть, уже давно пронесло мимо. Ванька притих, чувствует, что тут не может помочь хозяину. Легко сказать – узнать Амур. Это все равно что узнать море. Сибирцев озабочен. Ведь он не торгош, ему надо спешить...

Маслов назидательно объясняет, что на этой реке надо сделать промеры и все изучить, составить лоцию. Показал парню свои штурманские инструменты.

– А вот этот самый надежный! – добавил он, сжимая кулак.

Иван рассказывал Сибирцеву про караванную торговлю чаем. Отец его и братья нанимались в работники к чаеоторговцам. Из Китая в Кяхту, через Монголию, идут к нам цибикки чая десятками тысяч, на верблюдах. Перегружаются на подводы. Рассказывал про сорта чая: про цветочный, про красный и зеленый, про кирпичный для бурят и забайкальцев, и какое множество людей и у нас, и у китайцев занято перевозом.

Это же самое, про торговлю своего отца, московского чаеоторговца, но не так точно, рассказывала Наташа Эванс, русская жена англичанина, в Челси, в ее черном каменном особняке с частыми белыми переплетами окон. Но тут все шло из первых рук, «продукты» были местные, а не «сушеные».

– Китайцы нам продают только хорошие сорта, в упаковке из толстой кожи. Путятин любовался шибко. Говорит при этом: «В Москву! В Китай-город!» Что это за Китай-город? Есть такой?

Сибирцев рассказал про торговую Москву, про Зарядье с церквями и про богатейшие гостинные ряды в аркадах в два этажа. И таких торговых дворов в Китай-городе несколько, и много по всей Москве, и что ни окно, то торгует богатый купец, заход изнутри. Есть и модный пассаж в Китай-городе. Там же здания торговых палат, биржи, банков, целый торговый мир.

– Торговые ряды – каменные, с арками на все четыре стороны – есть и в Кяхте. И в Нерчинске такие же – видно, на манер Москвы. Куда там. На сколько же лет, Алексей Николаевич, вы старше меня? – спросил Банча. – Меньше, чем на десять? Что же за десять лет я успею?

Про дворянство тут и не поминают. О родовых привилегиях и протекциях не думают. Совсем тут другая сторона! Русские, но не такие, как в крепостничестве.

Иван расспрашивал Сибирцева и матросов и про Китай, про торговлю и торговые ряды в Кантоне, про плаванья в разных морях и по рекам, про крушение «Дианы» и жизнь моряков в японской деревне. Тут не обошлось без юмористических подсказок матросиков.

Вечерами лавка стояла на якоре. Матросы толковали Ивану про свое, он им про свое.

– Мне, однако, шибко в дивование, Лексей Николаевич, что я с вами встретился! – признался однажды Иван. – Я не видал такого человека. С графом открывали Японию! Диво! – Иван усмехнулся и потряс головой.

– А не пора ли тебе жениться? – спросил матрос. – А то истаскаешься.

– Хотел бы, – ответил парень, обрадовавшись.

– Невесты нет?

– Невеста есть.

– За чем же дело?

– Дорого стоит.

– У кого же она в неволе?

– У отца. За бедного не отдаст. Говорит: «Куда лезешь, почем вас таких на фунт сушеных!»

– Разве ты бедный?

Иван усмехнулся.

– Да любит она тебя?

– Говорит, что шибко.

– Так бери увозом.

– Вот если бы... – Иван не стал говорить дальше. Брать увозом. Токмаков пустит следом работников и собак, кости переломают. Задумал привезти с Амура осенью богатство и тогда, если отец не отдаст, сбить дружков, решиться на увоз. А уж потом откупиться. Легко сказать, а дело непростое, тем более в станице, где от богатого казака-купчины все зависят: и станичники, и наездной поп...

– Отец свое потребует. – Иван надеется, что привезет соболей Анюше на шубу. – А что я задумал – исполню! Ее выкуплю, если привезу старику мешок соболей. Тогда отдаст. Слышал я, где золото можно на Амуре добывать.

Нынче чай не возили, к чаоторговцам не подряжались. Все надрывались, отец чуть грыжу не нажил – грузили морскую артиллерию на баржи. Каждый год Муравьев отправлял со сплавами бочки пороха и пушки.

Ванча немного учился у духовных: у попа и пономаря. Любит читать, хочет все знать, языки китайцев и бурят понимает. Поживет с каким народом – и заговорит как инородец. Ухватки перенимает. Люди ему в морду заглядывают, мол, откуда такой взялся, русский ли? Иди учись в семинарию, чего ты наторгованишь!

– Ей, Ванька, живо... На лодку! Кажись, чей-то голос! – велел хозяин.

И живо Ванька прыгает в лодку, берется за весла и среди моря воды, тумана, дождя идет искать чей-то голос и возвращается, изредка рыча на зов хозяина. А его собачка переливается с хозяйской на баркасе.

Иван вернулся, сказал, что людских голосов не слышал, а кричат птицы и кругом вода. Баркас-лавка бросает якорь на ночь. Иван услужлив, исполнительен; за это ему цена.

Утром подняли якорь, и опять понесло. Течение сильное. Дождь, вода, туман.

– Живем как рыбы. Покупателей нет. На сушу не ступали. Это, получается, мы как Робинзоны, – говорил хозяин баркаса. – Хотим найти остров – свое спасение, – это для нас Усть-Зейский пост. Но его нет. Где он? Его же населили, наставили солдат, пушки и добровольных семейных поселенцев привезли силком. Пропать он не мог. Где мы? Изучена ли география? Нет ли ошибок в ней? Не надо ли исправить? Так может пройти сорок дней и сорок ночей. И это может быть уже всемирный потоп, а не разлив Амура.

– Эй!

Кто-то орет.

Эко чудо, вынесло из мглы берег, высокие бревенчатые дома, дворы, крыши и амбары. Лодка подошла.

– Кто такие?

– Это Усть-Зейский пост?

– Нет!

– Что за наваждение... Где же Усть-Зейский пост?

– Эй! А где же?

– Чего «эй», – передразнили с берега.

Это, может быть, каторжные, что-то делают, наверно, сваи бьют.

– Не может быть, – говорит Иван, узнавая место. – Это Усть-Зейский пост. Я знаю, вот дом Борьки Тимофеева.

– Давай к берегу!

Люди собираются, завидя торговый баркас. Туман отходит. Солнце чуть пробивается. Видны баржи на якорях. Свистнул где-то пароход и запыхтел. Значит, тут Муравьев! Куда-то он поехал. Наконец-то догнали!

– Пост? – спрашивает Сибирцев.

– Нет.

– Чего врешь? – кричит Иван.

– Нет, никто не врёт, – выходя из толпы, заявляет казачий писарь, по чину урядник, в усах и в узких железных очках. Он подымается по выкаченному Иваном трапу на баркас. – Усть-Зейский пост больше не существует!

– Боже ты мой! Здравствуй, Савка! А что же это? – восклицает хозяин.

– Здравствуй, Пудыч!

Завидя офицеров, писарь вытягивается и отдает честь, но тона не меняет. Поначалу видно было, что какие-то затасканные моряки, в грязных блузах, все в одинаковых, пришли на баркасе. Сейчас различимы по погонам.

– Честь имею доложить, ваше высокородие, что Усть-Зейский пост, – произносит писарь с важностью, – как я имею честь заявить, больше не существует.

«Ага, добрался и сюда, крапивное семя!» – подумал Сибирцев. Левой рукой он сдернул с носа писаря очки, а правой с размаху здорово смазал его ладонью по роже.

– Что ты мелешь? А ну, порасторопней! Докладывай суть!

– Давно бы так сказали, ваше высокородие! – не потерявшись, отчеканил писарь. – Пост, который вам требуется, переименован в город Благовещенск, в который вы прибыли. С купца надобны торговые свидетельства и пропуск для путешествия на Амур... – Писарь вздрогнул, заметив, как опять дернулась рука офицера. – Здесь, в городе, находится его превосходительство генерал-лейтенант губернатор Сибири Муравьев, – поспешно остерег он. – Каждое утро уходит на другую сторону реки в китайский город Айгун, где ведет дипломатические переговоры. С ним проживает тут и будет святить новую церковь преосвященный Иннокентий. Город наименован в честь Благовещенской церкви в Иркутске, не на Иерусалимской ли горе, где преосвященный Иннокентий будто бы начинал смолоду службу. Муравьев, прибывший сюда, получил от китайского князя И Шаня и от своего личного друга айгунского джангина¹, знаешь, Пудыч, не того, который трясет коленками и не может сидеть спокойно... А от новенького... Фунга-Фунга...

Шлюпку подвели к борту и загрузили. Сибирцев и матросы ушли на веслах.

Писарь надел очки поаккуратней.

– А твоя тетка, Иван, печет олады.

– Як ней пойду? – спросил парень у хозяина.

– Иди.

– Тут хорошая китайская мука-крупчатка, они ведь плохой хлеб не едят, – заметил писарь.

– Черного хлеба у них совсем нет, – согласился Ванча.

– Нищие, а едят пампушки из крупчатки, – сказал хозяин баркаса.

– Что тебе скажу, Пудыч... – таинственно заговорил писарь, сидя в каюте у купца. – Я дежурил в штабе поста при генерале и слышал важный разговор. Тут политический заговор. Его высокопревосходительство сначала упомянул его преосвященству, находясь с ним наедине, что только формы ради приплетена для переименования Усть-Зейского поста в город Благовещенск та святая Благовещенская церковь на горе в Иркутске ли, где ли еще, от которой будто бы, как от силы веры и духовности, должно происходить всему и всякое утверждение во имя святых деяний Иннокентия на Аляске. На самом деле город Благовещенск назван в честь

---

¹ Джангин – хозяин, чиновник; так же в просторечии называли состоятельных или чиновных маньчжур.

маньчжур и китайцев, которые нынче со своей стороны Амура из города Айгуна, где у них живет амбань, подали Муравьеву благую весть. Согласны на переговоры с Россией, и послы из Пекина приехали сюда, вон туда, на тот берег, вон, видишь, где блеснит. Прибыли в Айгун, с уважением ждут русского посла Муравьева, будут с ним трактовать и вести переговоры, подпишут договор, по которому Амур утверждается навеки за Россией. Просят мимо не пройти, не упустить случая, и что все согласны. И Муравьев сказал преосвященному, что вот, мол, это действительно благая весть и ради такой вести стоит переименовать пост Усть-Зейский в город Благовещенск. Но я, мол, сразу не соглашусь, сделаю вид, что не очень-то мне они сами теперь нужны, поступлю, мол, как у них у самих принято. А преосвященный внимал и сказал: «Воистину благая весть». Назван город по-новому Благовещенском, но не как церкви и чудотворные иконы по всей Руси. Давая гуран², напишем на них донос...

Преосвященный потом смеялся, и его высокопревосходительство тоже... А пост объявили переименованным. А я дежурил, как писарь, и запомнил. Они же и православную веру оскорбили кощунственно. Если ты, Пудыч, захочешь, то можешь написать с моих слов в Петербург в Святейший синод, но без подписи, тайно. Меня не приплети. А мне дай-ка сейчас вон ту пару валенок, они мне подойдут, – кивнул урядник на полку, приложенную к внутренней стороне баркаса.

– Сам Миколай Миколаевич объявляет, что не надо учить народ грамоте! Что, мол, писать грамотному в Сибири, кроме доносов! А тут хороший предлог – осквернение святого имени Благовещенской церкви, это кощунственно. И сам преосвященный на этом мне попадется. Я этого не упущу. Но мне писать несподручно. Напиши ты. Разберемся, почему Благовещенск? Благие вести! От кого? От китайцев! Значит, название этому городу повторяю: не от Благовещенского собора, а языческое, из Китая? А это уже измена, Муравьева можно поймать! Тогда ты, Пудыч, получишь фарт. Дело выиграешь, объявишь мое, сохраненное в тайне, соавторское имя. Как думаешь?

– А ты знаешь, кто со мной плыл?

– Не знаю.

– Не знаешь? Курьер особых поручений. Капитан-лейтенант кругосветного плавания. С «кольтом». Стреляет из револьвера и попадает в утку. Жил в Лондоне и за ручку здоровался с королевой, матросы сказали.

– Этой же рукой? И меня?

– Давай выпьем, угостимся по этому случаю. Чем Бог послал. Мало, не сама ли королева тебе в морду заехала. Честь?

– Как же! Быль молодцу не в укор.

Глава 2. Князь И Шань

Переговоры в Айгуне, в маленьком городке на правом берегу Амура, в ямыне местного амбана. Ямынь³ с гнутыми крышами и с разными головами зверей по коньку, обнесенный глинобитной стеной с башнями, хорошо виден с реки. Муравьев и раньше бывал тут. Каждый год, проходя Амуром в низовья, он встречался с амбаном и с чиновниками, принимал их у себя на барже, угощал, показывал пароход или сам бывал гостем на берегу.

Но в этот раз его в ямыне ждал необычайный полномочный Пекина, князь. И Шань, родственник императора, присланный под скромным титулом губернатора пограничной Хэйлунцзянской провинции, из главного ее города провинциального, захолустного Цицикара. Китайский губернатор прибыл для встречи с соседом – губернатором российским.

---

² Гуран – горный козел, так в насмешку звали забайкальцев.

³ Ямынь – дворец, присутственное место.

...Началось с того, что прибыла лодка с офицером, который поспешил в ямынь. Население Айгуна высыпало на берег. Русские суда появились. Послышался гудок парохода. Здешние жители видели прежде паровые суда, у которых колеса движутся огнем и водой.

Амурский сплав, судно за судном, стал прибывать и становиться на якоря около островов и вблизи устья реки Зеи, у русского военного поста на левом берегу Амура, палатки и свежерубленные дома которого белеют в перелесках среди огромных берез и лип, оставшихся от тайги.

Узнав о прибытии губернаторской баржи, князь И Шань, соблюдая гостеприимство, прислал к Муравьеву нового айгунского амбана с приглашением вступить в переговоры.

Муравьев принял амбана любезно, но сделал вид, что ему недосуг, сказал, что спешит в низовье реки, ему известно – англичане захватывают Китай, идут на север и могут напасть на Россию, пояснил, что остановился только на ночлег и по необходимости проверить, как идут дела на его военном посту на устье реки Зеи. Амбань⁴ струхнул, смутился и поспешил в Айгун: закралось в голову подозрение, что не слишком ли затянули дело пекинские вельможи, откладывая переговоры, и поэтому сосед с войском спешит, опасаясь, что англичане могут ворваться в Амур.

Князь И Шань немедленно снова послал амбана к Муравьеву. На этот раз с приглашением письмом в сопровождении знакомого и любезного Муравьеву батальонного командира Фуль Хунги и целой делегации чиновников.

Фуль Хунга поведал Муравьеву, что про англичан у князя И Шаня есть сведения, которые можно сообщить только лично, как соседу и союзнику. Для переговоров о торговле и границах также понадобится время.

У Муравьева все готово для переговоров, с ним целая свита, штаб, дипломаты, от секретарей до статских советников, переводчики Министерства иностранных дел. Составлен даже проект договора, который желательно заключить.

Муравьев приказал готовить пароход и две парусные канонерки для сопровождения. Пароход взял на буксир генеральскую баржу.

Муравьев понимал, что до конечной цели еще очень далеко. Но Айгун – первый, самый важный этап его пути. Здесь, в этой деревушке с ямынем, решается будущая судьба великих держав. Николай Николаевич чувствовал, что он вырвался из-за плетня предубеждений образованного петербургского общества. Препятствий оставалось множество и в «мире внешних варваров», по охотно усвоенному им выражению, и за спиной – в своем стане. Друзья России на Западе, теоретики и мыслители, занятые после войны обсуждением нашей политики и предстоящих реформ, оставили за эти годы дурной осадок в душе Николая Николаевича. Они хуже китайцев и монгольского духа, страшней хромого Тимура и современных английских солдат и кораблей, непреодолимей тайги, морей и океана нашего невежества. Муравьев зол. Это монгольское нашествие европейских знатоков России, которые все перевирают! А наши собственные доморощенные мудрецы, монополизируя право представлять образованную Россию на Западе, подливают исподтишка масла в огонь. Парламентская система с чувством превосходства льет на нас потоки грязи и презрения под видом соболезнования и сочувствия.

..Муравьев и князь И Шань почтительно осведомлялись о здоровье императоров, их близких, желали здоровья наследникам престолов, а также выказывали всякое внимание друг другу.

Муравьев знал, что губернатор соседней с Сибирью области отмечен чрезвычайными полномочиями. Муравьев не требовал себе особого почета и не настаивал, чтобы к нему прислали для переговоров кого-либо из знатнейших вельмож из столицы... Он приноравливался к китайским понятиям: каждое дело должно исполняться спокойно. Китайцы не хотят шума

---

⁴ Амбань – генерал, в этом случае губернатор.

и огласки. Николай Николаевич их понимает. Он сам именует себя в переписке с Пекином генерал-губернатором пяти пограничных провинций. Государь доверил ему вести переговоры самостоятельно, как полномочному министру. Муравьев прибыл без военного флота, без винтовых канонерок. На барже, которую при надобности берет на буксир речной пароход, единственное паровое судно. Никаких угроз, самые миролюбивые намерения! На барже все сделано к удобству губернатора и к достойному приему гостей. При случае Николай Николаевич переходил на чистенький пароход, чтобы попасть куда-нибудь скорей. Солидно и просто.

Насколько сановиты и облечены доверием своих государей приступающие к важнейшим переговорам представители Китая и России, в полной степени знают только они сами.

Умный, зоркий взгляд у князя И Шаня. Слегка скуласт, кожа лица с нежным розоватым отливом, на высоком лбу есть и сажа.

Муравьев впервые видел китайского аристократа из императорского клана. Манеры светского человека. Отрезать И Шаню косу, снять с него мандаринскую шапку да переодеть во фрак – будет современный дипломат. Не ждал Муравьев, что таким окажется губернатор захолустной провинции, в которую назначают лишь опальных вельмож.

Глава православной миссии в Пекине предупреждал зимой письмом Муравьева, что И Шань лицо особое, пользуется доверием. Но за что он побывал в опале? «Из клана желтого знамени», – объяснял переводчику Шишмареву один из здешних китайцев. Цицикар – ссылка для вельмож, которых нежелательно судить, как у нас была когда-то Сибирь.

Решили переговоры проводить попеременно: в айгунском ямыне и на барже генерал-губернатора, где, конечно, придется выставить почетный караул и отдавать помести.

Муравьев, втайне ободренный, не сдержался, увлекся, пылко заговорил о делах, о границе, попристальней глянул в глаза собеседнику, вызывая на дружелюбие и откровенность. И Шань с лица переменился. Любезная улыбка исчезла, стерлась. Лицо выразило упрямство и тупость истукана. Туп ли он на самом деле или искусно притворяется? Дает понять, что при решении важных дел призывы к чувствам неуместны? Они могут скрывать фальшь. Попытки вызвать на откровенность неприемлемы.

Муравьев осекся и сам отупел.

На предстоящих переговорах он обязан принять другой тон, как принято всюду у дипломатов великих европейским держав, диктовать свои условия, требовать, заявлять, категорически не соглашаться.

И Шань, выслушав, скапал, что в прошлом году сильное неудовольствие высказали айгунские чиновники, виня Муравьева в самовольном захвате без ведома русского государя мест на берегу Амура. Очень сожалели, что при этом погибли русские люди. Поэтому И Шань выражает сочувствие.

Князь дал время Муравьеву для раздумий и возражений, показывая выдержку и характер.

И Шань далее объявил, что последний лист, присланный в Пекин из Иркутска, как и прежние бумаги Муравьева, как и его настояния, высказанные при былых Пограничных встречах, обсуждены в Цзун Ли Ямыне, как именуется у них Ямынь внешних сношений⁵, то есть Министерство иностранных дел. Мнение в Пекине составилось. Русские очень волнуются за свое будущее, предоставляют доказательства, что опасности для России и Китая одинаковы. Поэтому в Пекине решено начинать переговоры.

Он мог бы добавить, что, говорят, у России мало хороших земель, все государство состоит из болот и льдов, хоть весьма обширно. Китай всегда поддерживал Россию. Произойдет не уступка по слабости: Китай готов помочь.

---

⁵ Ямынь внешних сношений. – В бумагах именовался дипломатами «Трибунал внешних сношений».

Солидность и важность заметны в другом уполномоченном, в дивизионном генерале Дзи-раминга. Он консерватор и догматик. Но ведь так и полагается составлять делегации: если один прогрессивен и намерен все переменить, то другой желает сохранить традиции и порядок.

Положение Китая незыблемо. Страна могущественна. Как доказал И Шань в Пекине, далее тянуть не следует. На Россию можно опереться.

Князь сказал:

– Путятин приехал в Шанхай и действует там, где находятся с войсками и флотом англичане, ведущие с Китаем войну. Они воевали и с Россией, и мы примирились с ними с помощью других держав.

Значительное замечание, а подано как бы вскользь. И Шань разгладил свои длинные усы.

Муравьев сказал, что должен отправляться дальше, нельзя дела откладывать в долгий ящик. На другой день переговоры начались. Дела пошли на лад. Текст предложенного им трактата ясен, статей в нем немного, нет никаких излишних требований. По сути, обо всем уже давно снеслись. Стороны друг другу новых претензий не предъявляли. Но И Шань полагал, что все статьи ему надо обдумать и обсудить.

Николай Николаевич для следующей встречи ждал И Шаня к себе на баржу, но с утра начался шторм на реке, волны расходились. Качка такая, что на барже неудобно вести дипломатические обсуждения. Муравьев предполагал, что И Шань в такую погоду не придет. Сам хотел идти на пароходе на берег. Но вахтенный офицер доложил, что китайский посол отвалил от берега.

Джонка с парусами в рисунках, со значками на мачтах, с командой из туземных солонов⁶ и с охраной из маньчжур подошла к борту баржи. И Шань перелез с трудом на руках матросов, но показал, что он человек слова. Как решили заседать друг у друга поочередно, так и следовали принятому правилу. Русские матросы внесли князя на палубу.

Из-за качки деловой разговор не затянулся. За завтраком поговорили про Сына Неба, про его наложниц, помянули Иехоналу, родившую ему сына. Хотя тайны гарема – это почти государственные тайны, но И Шань, оставаясь с Муравьевым наедине, был откровенен.

Как близкий родственник императора, И Шань не боялся его осуждать. Конечно, и у нас есть пословица – за глаза и царя ругают. И Шань не скрывал своих взглядов от Муравьева, которому доверяли в Пекине. Известно, что Муравьева уважают и во Франции, и в других странах Европы. Он всюду принят по уму и по высокой должности. У себя в столице у Муравьева, как полагается, есть враги и завистники. Это признак его ума и заслуг.

– Сын Неба очень молод. Вы знаете... Он умен. У него крепкие руки, но их ослабляют. Он предается забавам. Его наложницы разделены на пять рангов.

Муравьев, рискуя, как и сам И Шань, доставил гостей на берег на пароходе. Похоже, дела шли к концу, явились мысли об обеде, торжестве и подарках.

Муравьев опять подумал: за какие провинности мог И Шань попасть в опалу? Обычно наказание ссылкой на почетную должность губернатора в окраинные земли определялось за поражение в войне, трусость в сражениях, за неверность и плохую службу государю, за чрезмерную слабость к казне. Не может ли быть, что попал он в опалу за что-то полезное, за мысли не по времени, за попытку сделать что-то полезное Китаю? Не цидикарский провинциал сидел с ним, а хитрый, набивший руку дипломат, при нужде то ласковый, то лукавый. Сквозь радушие и дружелюбие прорывается в нем ненависть и недоверие, а сквозь неприязнь – снисходительное согласие и человечность.

Мог пострадать за то, за что надо награждать людей? Еще не доросли, может быть, чтобы понять его? Либо бояться его благоразумных мнений и убрали с глаз долой? Может быть, сам Небесный Владыка помиловал?

---

⁶ Солоны – племя, обитавшее в среднем течении Амура и переселенное маньчжурами на Сунгари.

Наутро шторм стих. На встрече в ямине, когда взялись наконец за дело и все было готово, оказалось, что трактат подписать не так-то легко. И Шань стал уклоняться, спорить по всем пунктам, выговаривать выгоды, отказываться от своих обещаний и намерений и, наконец, заявил, что в таком виде, как предлагает Муравьев, договора подписать не сможет. Надо подумывать. Желательно отложить еще на год.

Муравьев и не пытался возражать.

И Шань сказал, что с доводами Муравьева никак нельзя согласиться, не будут приняты в Пекине, так как вблизи тех земель, о которых идет речь, находятся родовые угодья боготворимых китайским народом предков маньчжурской династии.

Именно этот довод до сих пор, как полагал Николай Николаевич, приводился с совершенно другой целью, как подтверждение необходимости идти на согласие и на сближение с Россией, ради коренных интересов маньчжурской династии и защиты ее родовых земель.

Николай Николаевич предполагал, в чем причина. Он не ожидал такого поворота и не на шутку обиделся, так, что смолк. Если это ход, то и я должен ответить ходом.

Но если они на самом деле не решаются и нет в них согласия и твердых намерений, то у нас есть средства действовать. Пока со своей стороны мы сделали все возможное. Занимать южные гавани без их согласия Муравьев мог, но не желал бы. Им доказываем, что мы мирные соседи, а ведь не секрет, что идет про нас слава завоевателей.

Николай Николаевич не сдержался, а еще более сделал вид, что оскорблен, обманут, ушел на гребном катере прочь с вида Айгуна, как бы наотрез отказываясь трактовать.

За последние годы Муравьев наслушался про южные гавани. Были сведения, что этим летом опять собираются туда англичане. Шпионы из Лондона сообщили еще зимой. Верно ли, нет ли, подлинное ли это остережение или ловкий маневр, на все походит, но действительно иностранцы могут появиться в Приморье. Сказать сейчас об этом И Шаню? Он опять на вид отупеет, сделает вид, что не знает, как это все приложить к своему делу, либо сочтет за дипломатическое вранье, на которое я пускаюсь, чтобы припугнуть его и склонить на быстрые уступки.

У Муравьева были сведения о южных гаванях, поданные из отчетов моряков и исследователей. Среди мещан попадались любознательные и ходовые торгаши. Даже среди матросов были любители мен не хуже китайцев и джеков, узнававшие повсюду что-нибудь новое для отечества.

До посещения «Винчестером» гавани Мей наш Евфимий Васильевич на «Палладе» в 1853 году заходил в большой залив Посьета вблизи Кореи и там долго стоял. Он и назвал залив именем своего спутника. Простоял там порядочное время. Офицеры и люди его не сидели сложа руки, ходили на шлюпках, делая промеры, нашли выходы каменного угля, не упускали случая поторгашить, что-нибудь купить или сменяться с «манзами», как называли себя тамошние обитатели. Из-за прибрежных невысоких гор, рисунки которых в копиях представлены Муравьеву, однажды маньчжуры привели двух быков на продажу для команды фрегата. Все обошлось к обоюдной выгоде, и стали в гавань Посьета приходить торговцы, по большей части китайцы. «Откуда вы?» – всегда расспрашивал их архимандрит Аввакум, плававший на «Палладе» с адмиралом, а также служивший переводчиком маньчжурского и китайского языков. Он и сейчас с Евфимием Васильевичем на «Америке» ушел в Китай морем.

Торговцы приходили из близкого от побережья, расположенного за сопками города Хунчуна. Туда рискнули отправиться вместе с Аввакумом для нанесения визита маньчжурскому начальству города двое морских офицеров. Городок стоял среди обширной плодородной равнины. Все жители его чем-нибудь торговали. Дешевизна необычайная. Быка продавали за несколько мексиканских долларов. Эту большую испанскую серебряную монету знали и ценили здесь, как и во всем Китае, предпочитая ее долларам и фунтам, которые, впрочем, и в маленьком Хунчуне, как и в Шанхае и в Гонконге, принимались торговцами. Карты залива

Посыла у Муравьева были с собой. Карт описей «Винчестера» у него не было. А нужны были бы позарез. Англичане описали не только бухту Мей, но и все побережье страны, которую они назвали Maritime Province⁷. Его и наш Евфимий Васильевич намеревался описать, но из-за вспыхнувшей в 1853 году войны не довел дело до конца. Как и все моряки всюду, адмирал убежден, что британцы прошли по его следу. Обладая в этих морях сильной, так называемой Китайской эскадрой, помех войны они не чувствовали. Напротив, их военные морские походы в этих морях обрели второй смысл, принесли им новые географические, геологические и всякие другие открытия. Их виды на приобретение новых колоний очевидны.

А Путятин, снова отправившись в Китай морем для переговоров, помнил о южных гаванях. Получены сведения, что, проходя у берегов Приморья, капитан парохода «Америка» Чихачев открыл пролив между морским полуостровом и как бы отколовшимся от него островом. Выясняли, где тропы через леса, болота и горы, по которым, несмотря на запреты, сами китайцы – искатели наживы и хунхузы переправляются на острова и хищнически моют золото...

Глава 3. Айгунский договор

Николай Николаевич долго ходил по отмелям в одиночестве по широкому амурскому песку, напоминавшему пляжи Нормандии.

...А какой прекрасный климат в окрестностях Благовещенска, какая пышная трава, плодородная почва, как хороши коняги, работающие на участках подле деревни маньчжур. Муравьев обещал этих маньчжур не сгонять, оставить в своих владениях на нашем берегу. Это все маньчжурские крестьяне, населены правительством Китая после завоевания в позапрошлом веке тем же китайским способом, каким я сейчас селю семейных казаков.

Как цветут леса и как много обещает нам эта плодородная равнина между Зеей и Амуром, как ждет она земледельцев! Как привычен нам этот климат, куда привычней, чем где бы то ни было, не зря два века тому назад русские начинали тут пахать. Это наша прерия, и это наша Великая равнина, как в Америке. Сектантов сюда, гонимых староверов, крестьян из малоземельных губерний. Я должен заложить основу для тринадцати пуританских штатов. Всякое великое дело не стыдно начинать с подражания. Железную дорогу сюда, как в Америке, мыть золото здесь. Пароходную линию в новые южные порты Приморья из Одессы и Херсона! А пока – на лошадях через Сибирь. Мужик за волей на Зеленый Клин пешком Сибирь пройдет.

Выходя из глубокой задумчивости, опять глянул Николай Николаевич на реку в солнце, на пески отмелей, на острова вдаль, на искрящийся песок под ногами и подумал: «По этому песку! По китайскому берегу надо провести границу». Он признавался себе, что боится европейцев, зная их силу и намерение вломиться в Китай. Границу надо вести по китайскому берегу Амура, чтобы вся река считалась нашей и чтобы никакая держава не смогла принудить Китай к уступке в пору слабости Поднебесной империи и получить своим кораблям право плавания на Амуре или право аренды островов. Спустя столетие Китай окрепнет, станет мировой державой. Самим китайцам проще и выгодней охранять границу по своему берегу быстрой и могучей реки, фарватер которой изменчив. Если какой-нибудь наш чиновник не превысит смысла договоренности и не испортит дела, навредив и нам, и им. Муравьев желал бы показать китайцам, что он деликатен, требовать лишнего не хочет. Можно подписать об этом соглашение потом, когда мы делом докажем им свое расположение.

Муравьев повеселел, и вновь мысль его вернулась на свою колею.

Но как быть теперь?

---

⁷ Maritime Province – Приморская область.

Ученые экспедиции находятся на особой барже. Они при деле с первых дней плавания. Ботаники, топографы, этнографы, знатоки почв, ископаемых высаживались на берега, делали описи, все осматривали, изучали, а потом на лодках догоняли свою баржу. Теперь стоят. Ждут, что губернатор, может быть, вместе с ними пойдет в экспедицию на Уссури и к южным гаваням.

Венюков наливает вино в стаканы. Запевает песенку, сочиненную лейтенантом Шлиппенбахом.

Доппель-кюмель, Ерофеич,
Драй мадера, хереса,
Муравьев наш предводитель,
Ему слава и хвала!

Венюкова сигналами затребовали на генеральскую баржу. Наскоро допил и сошел на шлюпку. Прибыл. Доложил, что все готово, лодки, оружие, припасы.

– Михаил Иванович, ждите распоряжения с часу на час!

Венюков ответил в досаде, что готов, что мог бы идти, не ожидая подписания договора.

Николай Николаевич сказал, что сам он на этот раз с экспедицией на Уссури не пойдет. Дело страшней, чем кто-либо может предположить. Открыл Венюкову секреты. В Петербурге зимой получены донесения из Лондона о намерении англичан и французов высадиться в Приморье. Планы ответных действий предусмотрены в Петербурге тайными советниками в прямом и переносном смысле слова. Китайцы подтверждают, что они опасаются того же, что и мы.

Венюков намеревался, как было назначено, перейти с экспедицией из бассейна реки Уссури через хребты к морю. А теперь возлагается новое поручение: занять гавань Ольгу этим летом. Передавать объявления иностранным судам о том, что гавани Приморья наши.

– А они с нас спросят: покажите-ка карты, где и что это за гавани, а их у нас нет. – Поначалу Венюков сопротивлялся распоряжениям губернатора, встречал в штыки его пылкость и свою сдержанность не мог.

– Как нет карт? Да еще в 1849 году, десять лет назад...

Венюков сказал, что приказание выполнит. Проводники и толмачи есть с собой, топографы и бывалые нижние чины. И заявил заносчиво, но почтительно, что знает свое дело.

«В показательных картинках докладов, которые я представляю государю моему, я ни словом не смогу при нашем китаизме обмолвиться о подлинных планах и намерениях, о том, каков смысл моих действий, что есть во мне, кроме фанаберии и честолюбия. Другое дело, когда я пишу: “Настоять! Подкрепить силой! Указать! Потребовать! Разъяснить! Категорически отвергнуть!” Китайцы в душе считают меня за изверга, захватчика. В Забайкалье обучены казаки. Артиллерия. Пехотные батальоны. Пароход. Баржи с пушками для крепостей на океане... На коронацию присланы молодцы-забайкальцы! Завоевание Кавказа! Завоевание Средней Азии! Завоевания в Африке, в Индии. Война с Мексикой. Флорида. Война с индейцами. Экспедиции в Марокко, в Алжире. Англичане в прессе упрекнули Россию, что она создана захватами, экспансией, а что, по сути дела, сама Россия – это только московский уезд. Чем я хуже? Герцен в Лондоне ответил, что все на свете создано захватом, что Россия начиналась не с Московского уезда, а с Новгородской волости. А что Англия начиналась с одной рыбацкой деревушки, а все остальное приобретено грабежами и захватами. Вот дошло до Китая, где, может быть, и придется встретиться. Такой мой довод все примут! А что я есть на самом деле?»

У Муравьева, как ему кажется, благородный замысел, он должен держать цель свою в тайне от властей и общества.

«Мы до того дотянули, что китайцы теперь сами призывают нас на Амур, чтоб на нас опереться как на верных соседей, а теперь я делаю вид, что упираюсь. И Шань это заметил и дает мне острastку».

«Но как на самом деле будет в наш новый век действовать Николай Муравьев? – думалось на утренней прогулке, когда из шлюпки опять вышел на отмель. Задумчиво и мрачно глядел под ноги из-под бровей, чуть наклонившись над белоснежными амурскими песками. – Муравьев противник захватов и в Азии, и на Балканах. Эти захваты когда-нибудь нас захватят. Игнатьев говорит: что это за государства – Румыния, Болгария? Зачем они нам, ну, мол: Румынская губерния, Болгарская губерния, Сербская, Черногорская – куда ни шло. С нищетой азиатских базаров, со зловонием на толчках, среди лачуг в центре города, с толпами торгашей и разбойников на дорогах и в городах, с народами, на просвещение которых уйдет наше сибирское золото. Мы им построим города и университеты, а они рожу будут от нас воротить. Получится по-путятински: всех учить, а своих губить. Не губите свой народ ради желания походить на англичан и французов, которые цивилизуют и обучают, приобщают Китай и Африку, но знают, что делают, и всюду получают выгоды из завоеванных стран! Они заставляют колониальные народы производить богатства, им же для церквей и школ отдавая часть доходов. Они не начинают предприятий, не сулящих барыша! России нужны выходы в океан, торговля с Америкой и новая государственная система, но с умным диктатором во главе. Не с дураком».

Не торопясь Николай Николаевич отправился в этот день на переговоры в глинобитную цитадель, в убеждении, что маршал, как можно бы его величать, князь И Шань хитрит. С намерением дать ему волю, делая вид, что поддается, а потом...

Но князь И Шань, мило улыбаясь, сразу обезоружил его. Любезно заявил, что китайская сторона все обдумала и решила принять целиком текст трактата. Китай согласен с просьбой России и понимает ее нужды. Дополнительные соглашения заключим потом. Пока нет опасностей.

Мы оба – народы северные и близкие друг другу. Два века жили в дружбе, и так должно быть всегда. При ханах Россия была под властью Китая. Русские служили в пекинской гвардии. Теперь настала наша очередь благоразумно поддержать Россию...

На большом обеде в ямыне князь впал в хорошее настроение, стал еще откровенней и радушней и опять сказал, что русский и маньчжурский народы близки, даже договорился до того, что они родня друг другу. К чему он теперь клонит? Муравьев тупел от множества новостей.

Князь пожаловался на свой глупый простой народ: уже заговорили, что И Шань получил в подарок за подписание договора и за уступку Амура два мешка серебром и будто все это видели. Поэтому он не стал подписывать договора. Народ очень недисциплинированный, за подобные разговоры надо отрезать языки.

У Муравьева были мешки с серебром на корабле...

Но в подарок послу доставили часы золотые, часы настенные, шубу, ковры... И членам его свиты разные сувениры.

– Вы можете спросить меня, – сказал И Шань, – зачем же, князь и главнокомандующий, посол своего государя, доверенный и уполномоченный, вы так сильно волновали русское посольство и упрямылись, если уже было согласие самого Сына Неба и общее мнение вельмож из совета иностранных дел?

«Но как понять о двух мешках со слитками серебра? Они есть. Именно два мешка с серебром. И не только два больших, но и несколько малых. Как вызнали китайцы? У наших нижних чинов с китайским простонародьем взаимный обмен новостями?»

– Я вам отвечу! У нас сразу нельзя соглашаться! Ах, таков этикет! – молвил князь. И с притворным вздохом, как артист императорских театров, добавил: – Это нас расположило. Мы увидели в вас друга. Но вы с самого начала были очень великодушны, генерал! И мы увидели, что вы огорчены, но деликатны.

Да, конечно, и у нас таков же дипломатический этикет: показывать нашу неуступчивость, объявлять о вражде непримиримой тому, перед кем на деле тайно заискиваем и от кого хотим признаться чем-либо полезным.

Суть заключенного договора: граница между Россией и Китаем идет по реке Амур до устья Уссури. Пока больше ничего не сказано, но устно говорено, что, по приложению, граница будет считаться не по фарватеру, а по китайскому берегу. Ниже устья Уссури оба берега Амура принадлежат России. По реке Уссури земли между рекой и морем состоят в общем владении России и Китая. Вот тут-то, по настоянию И Шаня, вставлены слова: «Как и прежде».

– Теперь России можно занимать морские гавани, генерал Муравьев. Действуйте поскорее. Только не трогайте наши рыбалки и огород с тыквами, который имеется на острове у нашего маньчжурского чиновника.

– Венюков не ждал, он по моему приказанию сегодня ушел на Уссури, подымется по реке и через перевал пойдет к морю.

– Мы оба народы северные и близкие друг другу. Ставьте в Приморье свои посты. Западные моряки могут опять там появиться. И вы, и мы об этом знаем. Я вам больше скажу; мы не сможем оберегать те берега моря... Но появление нового английского города между Россией и Китаем нежелательно. Сразу порешить с вами дело о Приморских землях мы не сможем. Еще нельзя требовать в Цзун Ли Ямыне. А теперь, согласно трактату, эти земли, как подтверждается, всегда были и в русском владении. Потом на это сошлемся. Все будет зависеть от вас, как вы будете действовать, опережая других. Докажите свою силу против наших врагов. Мы будем надеяться на вас, верим делам, а не словам.

И Шань опять сказал, что когда в позапрошлом году в южную гавань Хай Шень Бэй явилась западная эскадра королевы, она не встретила никого, а на ближнем острове увидели единственного чиновника из Хунчуна, который в это время работал на огороде и очень рассердился, что его застили в простой одежде. Он там разводит овощи, гонит просьяной самогон и продает ловцам трепангов.

– Как же вы объявите в Китае о заключении договора? – спросил Муравьев, помня оговорку, которую сделал посол Сына Неба при первой беседе.

И Шинь еще раз подтвердил, что поскольку каждое правительство не должно говорить правды о своих делах народу, то и в Китае, как бы ни было объяснено заключение договора, не следует генералу Муравьеву удивляться.

– Примите это уверение, досточтимый генерал и подлинник императора.

– Но как же это будет сделано?

– У нас есть в стране газета. Одна газета на весь Китай. Но очень хорошая. Вы знаете, «Правительственные ведомости». Издается в Пекине. Небольшая пекинская газета, но дает главные основные понятия.

«Как объявим? – мог бы добавить И Шань. – Вероятно, для народа, чтобы не сомневался в могуществе власти, будет объявлено, что богдыхан, внемля нижайшим просьбам русского царя и своих данников из соседних земель, благосклонно разрешил им жить на плохих и болотистых землях по Амуру. Тут же объяснено будет, что в России холодно, болота всюду, жить людям негде, они бегают с места на место и не могут найти ничего хорошего. Поэтому русский царь слезно просил богдыхана пожалеть русский народ... Объявят указом, что эти земли хороши для русских, но не для китайцев. В самом деле, в Пекине все согласны, что эти гнилые и сырые территории, которые всегда затопляются размывами рек, имеют мало ценности. А леса там горят вместе со зверями и с охотниками. Словом, все будет доказано. Есть умные люди, которых хорошо содержат и которые думают за правительство и позволяют ему лениться. Все объясняют народу. Всякая политика должна быть гибкой. Дипломат не должен быть мулом или верблюдом. Надо уметь делать уступки соседям и даже противникам. Но уступки уметь толковать как нашу победу».

– Глупому народу надо уметь объяснить, чтобы в силе правительства нашего не сомневался. Это возможно. Это не английская политика!

– И вы знаете ее?

И Шань не ответил.

– В Китае много умных людей, – продолжал он, – всех невозможно уничтожить, кто бы ни взялся наводить порядок. Но почти у всех умных людей много опыта, но не такого, как сейчас надо, и без совета и приказанья никто и ничего не смеет придумать.

«Кроме того, – мог бы добавить И Шань, – может быть пущен слух по Китаю, что за этот договор И Шаню отрубили руку, или что он ждет суда, или отправлен в ссылку и будет там отравлен. За исполнение повеления, которое дано самим же богдыханом. И на самом деле могут меня отравить или отрубить голову! А я весел и улыбаюсь: если Сын Неба переменит свое решение! В государственной политике бывает, что правительство со своими же недоброжелателями действует заодно».

Когда-то за договор с иностранцами И Шань, близкий родственник императора и самый богатый человек в Китае, был лишен состояния и заслуг и приговорен к смертной казни, которую император заменил на заключение в темнице. Потом И Шаня помиловали и послали губернатором в Цицикар и возвратили часть состояния, и вот уже 20 лет идет суд и тяжба, отдавать ли ему все остальное.

А И Шань смеется...

Муравьев, огорошенный комплиментами князя, не нашелся что ему ответить. Да и надобности нет.

Он прекрасно понимал, что китайцы, публикуя сведения о договоре, будут придерживаться не выражения духа дружбы с Россией, а собственных традиций. Но уж очень откровенно князь ему все выложил.

«Ну, а мы? Письма и пакеты с копией Айгунского договора послезавтра пойдут в Петербург с чиновником Министерства иностранных дел фон Бютцевом на баркасе до Усть-Стрелки, а дальше курьер поскачет “бойко”; то есть будет старательный дипломат-петербуржец бить по дороге смотрителей и ямщиков. Разве мы хуже китайцев? Ну, а если он меня спросит: “Как вы объявите?” Мы тоже поступим как у нас принято. И не только у нас, но и во всем мире. Мы завоевали! Победители!»

Муравьев знал за собой грех. Он умел подмочить репутацию, а потом убрать совсем, сбить с позиции любого, кто казался ему соперником; как бы нужен ни был, но разве другой на его место не найдется? Хотя перед отъездом из Петербурга Муравьев видел Завойку и принял его советы. Муравьеву приходится быть совершенно похожим на сибиряков. Те думают только о себе, каждый полагает, что Сибирь должна принадлежать только ему одному. А всех остальных просветителей – убрать! Уничтожить и память о них! Оставить только тех, кто старается для Муравьева. Деятель прогресса должен быть единственным? Сколько их уже полегло за последние годы, великих деятелей, соперников, оспаривающих лавры! Завойко уж куда как крепок и упрям, а вылетел в форточку. Муравьев – единственный творец, только в этом качестве можно что-то усовершенствовать. В противном случае самого сдунули бы как муху. Муравьев закладывает основы будущего социалистического государства, сила которого не в царских сатрапах, а в демократизме. Объявить об этом нельзя ни китайцам, ни своим.

Китайцы, вернее маньчжуры, прибегнут к вымыслам для утешения себя и народа.

Мы тоже объявим обо всем в духе традиций: «Генерал Николай Муравьев умело повел дела с косоглазым маньчжурским чиновничеством. Он припугнул Китай военной русской силой, созданной им в Забайкалье по указанию государя императора. Государь благословил! Одним росчерком пера осуществил Муравьев величайшее завоевание эпохи, возвысив и возвысив могущество Российской империи на Востоке в новое царствование. Великое деяние, совершенное по указанию самодержца, нашего государя императора Александра II! Слав-

ное начало новой великой гуманной эпохи, еще не бывалой в истории! Указание императора! Исполнено Муравьевым!» И пойдет, и пойдет. Похвальбе, хвастовству предела не будет. Все указано царем. Слава царю! Расширяем владения! Еще Николай I предупреждал: «Я не желаю расширения своей империи. Она и так слишком велика, от дальнейшего расширения могут произойти большие неприятности, одни лишь беды. Россия растворится в завоеваниях и погибнет, как Древний Рим. Мы погубим русский народ». А теперь все высшее чиновничество заявляет: это был отсталый консерватизм, смешные понятия «незабвенного», а вот – хи-хи! – новый молодой государь прогрессивен, либерален, хочет освободить крестьян, дать рабочие руки промышленности! Одобряет захваты! Несет свет всем народам. Чтобы эксплуатировать чужие народы. Славься! Будем хвастать везде! Под его скипетр! Под державу! Во славу двуглавого орла! Возьмем Босфор и Царьград! Святые земли!

Сегодня капитан Будогосский взял себе перо, которым Муравьев подписывал договор, и сказал, что будет хранить его как величайшую драгоценность.

Все наши успехи должны у нас выглядеть в раздутом виде. Недостатки всех других стран и народов должны быть преувеличены. Начнется вранье взалхлеб! И долго будем хвастаться, всем опротивеет и охоту и симпатию к самому делу отобьет. Набьет оскомину хвастовством о наших успехах! Оттолкнем грамотную молодежь. Иное дело мужик. Крестьянин газет не читает, пришлет сюда ходоков и будет судить не по «Петербургским ведомостям», а по сути дела.

А сам я? Я тоже по этой части дока; постарался и еще постараюсь. Европа ахнет от зависти, когда узнает. Но я и там не могу объяснить тайной сути дела, так как никто меня не поймет. Скажут – захват, и все! Русские звери, казаки, рабовладельцы, хапуги.

Но если власть возьмут революционеры, я в том числе... Мы пошлем завоевателей русских крестьян по всему миру? В Австралию? В Африку? Всех спасать! Зулусов... Фигу вам!

Конечная моя цель только еще открывается. Только после заключения этого трактата я смею к ней приступить. Экспедиция Венюкова пошла по Уссури. Он перейдет через горы и постарается достигнуть залива Святой Ольги, открытого нашими моряками и старообрядцами.

– Так еще раз о деле. В письме китайского правительства, полученном мной из Пекина и отосланном в наше Министерство иностранных дел, сказано, что через Монголию предложенную нами артиллерию отправлять нельзя, – написано в листе из Цзун Ли Ямыня. Что еще рано, но принять согласны. Я не стал ждать. Я привел в своем отряде кораблей баржу, на которой находятся два новейших скорострельных дальнобойных орудия и образцы нарезных штуцеров для китайской армии. Испробуйте. На барже зарядные ящики для орудий и все необходимое для боя. Остальная артиллерия и десять тысяч штуцеров находятся близ границ Монголии, в моих владениях, и будут отправлены и переданы, если вы готовы принять. Полагаю, что, получив пушки и ружья, которые я привез, вы охотно примете и все остальное.

И Шань опять для приличия не может сразу согласиться и ради этикета будет тянуть? Не хочет выдать своего горя и признаться, как Китай унижен. Неужели советники Сына Неба опять восстанут в защиту идеи всемогущества и непоколебимости Небесной Империи и традиций? А народ их будут бить тем временем.

– Как, когда и где мои люди посмотрят привезенную вами артиллерию? – зевнув, спросил И Шань.

– Остров для стрельбища выбран. Стрельбу покажут артиллерийские офицеры: полковник и два поручика, два унтера-офицера, которые служили в Кяхте толмачами и оба знают также по-китайски. Солдаты при каждой пушке. От моего имени поручается при этом присутствовать морскому офицеру, который только что прибыл ко мне. Верьте ему как мне. Назначьте к нему для приема чиновника равного ранга.

– Будет ли с вашим офицером хороший переводчик, умеющий объяснить все подробно? Если у кяхтинских толмачей окажется недостаточно знаний?

– Переводчик не нужен. Офицер сам говорит по-китайски. Он знает китайский язык и может немало нам с вами помочь в будущем.

Тут И Шань закрыл рот и глянул с достоинством лорда. А Дзираминга переглянулся с молодым батальонным.

– Офицер? Только что прибыл? – строго спросил И Шань.

– Знающий китайский язык? Откуда? Прибыл еще один переводчик? – спросил Фуль Хунга.

У встревоженного генерала сразу затряслись коленки.

И Шань должен знать, что нельзя бояться, если вступаешь в мир, где все ново. Однако удивлен, почему раньше не сказали! Есть же переводчик Шишмарев. А это, мол, кто еще? Всякая новость тревожит. Нет, И Шань спокоен, словно что-то уже знает или так вышколен, что готов ко всему. Где он набрался опыта, живя в захолустном городишке?

«Брат, ничего не попишешь, – мысленно отвечал Муравьев. – Скрывать не буду и не должен, я этого не люблю. Это не порок, а достоинство, что офицер мой знает китайский язык!»

– Ваш офицер служил в православной Пекинской миссии? Который был с Путятиным в Японии? – спросил Дзираминга. – Он уже пожилый?

– Он молод и не был в Пекинской миссии. Он не священник, а моряк в чине капитан-лейтенанта. Я ему велю все это вам лично рассказать. Вам, князь И Шань, он будет отвечать на любые вопросы. Либо лицу, уполномоченному вами. Пора нам с вами начинать жить на новых началах и верить друг другу. Так?

– Да.

– Он дважды обошел вокруг света. У него есть приятели, знатные китайцы. Перед приездом ко мне он совершенствовался, обучаясь у петербургских ученых, знатоков Китая. Словом, он поел в Китае соли!

– Что? – испуганно воскликнул Дзираминга, услышав перевод. – Какой соли?

– Поел соли – значит хлебнул горя. Или набрался опыта. А съесть с кем-нибудь пуд соли – это значит узнать человека. Артиллерия передается безвозмездно. Офицер, назначенный мной, знает, что никаких расписок не требуется. Установку пушек и стрельбу покажут артиллеристы. На острове уже поставлены орудия. Чтобы не пугать население китайского города, по вашей просьбе для стрельбы выбран далекий остров.

Муравьев возвратился из ямыня на пристань верхом, в сопровождении казачьего конвоя и конного маньчжурского эскорта, сел в свой гребной катер и пошел через Амур. На нашем берегу курились дымки, жители вновь основанного города Благовещенска выжигали лесок для росчистей под пашни.

Быстро стемнело. Тусклое красное небо над горизонтом на западе.

Еще не известно, что будет с Китаем. Мятежный Хун во главе армии тайпинов захватил огромную территорию. Еще тысячу раз найдутся охотники наняться к Сыну Неба и наwerbовать армию из европейских наемников. Об этом Муравьев знает из американских газет. И там же пишут в американских газетах: «Русские опять извлекают выгоды из чужой агрессии!»

Жаркая ночь на Амуре. Южная духота! А на берегу и на баржах слышна перекличка часовых. Протяжные крики как эхо отдаются и повторяются по всему Амуру.

...Перекликались на курганах
Сторожевые казаки...

Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс! В годы царствования Александра II!
Одним росчерком пера!

Но суть проста: левый берег стал нашим! Плавание по рекам только русских и китайских судов. Придется простить Муравьеву всех свиней, которых он подкладывал соперникам

в Петербурге. Но иначе нельзя. С кем поведешься – от того и наберешься. Пока что у нас парламента нет. Склока – форма нашей демократии!

Глава 4. Письмо

Муравьев, чиновник Министерства иностранных дел, статский советник Перовский, дипломатический секретарь фон Бютцев, переводчик Шишмарев, а также штабные офицеры и чиновники – весь Петербург налицо! Воссиянный Петербург на Амуре! На губернаторской барже! После поздравлений и шампанского Николай Николаевич прошел в кабинет при своей каюте. «Идешь верхом, идешь низом, у матани дом с карнизом», – лезла в уши солдатская песня. И верхом, и низом – все через Петербург.

«Сегодня счастливейший день в моей жизни!» Возбуждение не угасало.

Рядом не было привычного милого друга, с кем делился, закончив день, рассказывая обо всем откровенно и с подробностями. Это близко ей! Стало близко! Близко через Париж, через европейские академии и журналы, через моды и войны.

Мысленно Николай Николаевич всегда с женой. «Как Екатерина будет тронута, когда узнает, что цель моей жизни достигнута. Сколько она вынесла из-за меня. Она поверила в меня с первого дня. Она сказала мне: “У тебя есть интересы”. Она поверила в них, еще не зная сути. Мы проехали верхом тысячи верст через Джугджурские хребты к Тихому океану. Плавали на корабле в Камчатку. Екатерина Николаевна со своей подругой, виолончелисткой Христиани, дали там первый концерт в истории Камчатки. Она взяла камчадалских звезд за уши и встряхнула их своей игрой на рояле, пением, виолончелью и простотой понятий. Если бы она была сейчас здесь, со мной! Она знает, что русских чтят и уважают в Европе, и почувствует это сейчас с особенной силой. Ей нравился Амур, она прошла со мной всю реку в пятьдесят пятом году...»

Однажды она стояла у борта, молча любуясь рекой, при солнце, в огоньках саранок на берегу и жарков на кручах. В совершенной тишине мимо нее проплывали огромные острова, как материки. «Если бы меня спросили теперь, где рай на земле... – призналась она, видя, что по верхней палубе к ней подошел Николай, и, освобождаясь от задумчивости, добавила: – Я бы сказала, что рай на Амуре». Николай Николаевич не раз приходил в восторг от впечатлений своей жены. Предвзятые мнения для нее не существуют. «А как у нас принято? Она поняла Камчатку лучше, чем я сам! Что такое Камчатка? Попробуйте похвалить в столицах – на смех подымут. “В Камчатке был, вернулся алеутом и крепко на руку нечист”. Нашли, мол, что хвалить. Екатерина Николаевна в сорок девятом году пришла со мной туда в шторм». Входили в Ковш в сумерках, вулканы поблескивали в вершине неба, и она молча присматривалась, вдохновленная этим зрелищем. Ему показалось, что в ней живет художник и поэт. В этих практических натурах с художественным вкусом часто больше потаенного чувства поэзии, чем в профессиональных поэтах и художниках. В первое утро в Петропавловске вышла на балкон и воскликнула: «Николай! Какая прелесть!» Потом ей все больше там нравилось, и она однажды обронула, что могла бы жить на Камчатке.

Да, вулканы красивы. Несметные богатства морей просятся Муравьеву для французской кухни. А сопки – для батарей. Необычайное разнообразие даров моря! Она воспринимала Камчатку не такой, как о ней принято судить. Она давала опору Николаю в его любви к делу и отстраняла от предрассудков. Она не судила о Камчатке по пайкам солонины и масла с материка и спирта из Эстландии и по размерам взяток с туземцев. Графиня де Ришемон согласилась бы жить в Петропавловске и разводить коров. А Прасковья Ивановна точит своего мужа, чтобы не вздумал поехать в такое захолустье проверять своих подчиненных. Пусть хоть сдохнут. Муравьев признался, что часто мы зря браним иностранцев из мнимого патриотизма, а иногда, кажется, притворного. Они оживляют в нас наш природный европеизм, запрещенный

и забитый когда-то обязательной дружбой народов и потомками норманнов, рыцарски охамевшими в уделах. Но зачем бранить при этом наш бюрократизм! Никто его не ценит как надо: а ведь в нем наша сила и устойчивость.

Екатерина Николаевна не владеет отравленной рапирой злословия или дубинкой остроумия, как выскочки третьей империи. Из успеха она не производит позора обойденному сопернику. Сегодня в ее синих глазах проступила бы потаенная гордость за подвиг мужа, за его венец. Но чуть заметно мелькнуло бы чувство настороженности, словно она желала бы стать еще уверенней в его благородстве и убедиться, что его подвиг никому не принесет горя.

Но она смела бы сказать: «Ты прежде всего будь благодарен».

«Да, я знаю, – ответил про себя Муравьев, – я помню! Ты подумала бы, конечно, о юной невеличской маленькой аристократке, ставшей солдатом и прачкой и как матроска ходившей бечевой под “Дубинушку”. Сыновья и дочери потомственных героев гибнут в волнах или с оружием в руках, а выскочки хватаются за выгоды».

При свете свечей в медных подсвечниках Муравьев сел за стол и быстро написал Невельскому:

«Любезный Геннадий Иванович!

Сегодня подписан трактат в Айгуне. Спецш уведомить вас об этом знаменательном событии. Отечество никогда вас не забудет, как первого деятеля, создавшего основание, на котором воздвигнуто настоящее здание, целую ручки Екатерины Ивановны, разделявшей наравне с вами и со всеми вашими достойными сотрудниками труда, лишения и опасности и поддержавшей вас в этом трудном и опасном подвиге.

Николай Муравьев».

Его величеству государю, его высочеству великому князю Константину и в Министерство иностранных дел будет написано завтра, на свежую голову. Утро вечера мудреней. На порыв и чувства более полагаться нельзя. Деловые бумаги требуют спокойствия и расчета.

В Петербург курьером поскачет секретарь посольства по дипломатической части Вильгельм Бютцев, прикомандированный к Муравьеву министерством на время переговоров. На русской службе баронов называют, не упоминая приставку «фон». Бютцев пойдет на баркасе, а потом помчится, помчится через Сибирь на перекладных.

Ночь. А какая жара. Странная температура.

– Договор подписан, – сказал Муравьев вызванному в салон повару.

– Поздравить дозвольте, Николай Николаевич!

– Спасибо.

Генерал и повар перекрестили друг друга и трижды поцеловались крест-накрест.

– Дипломатический обед, Мартын. До этого церемонии, обмен подарками, торжества. По Айгуну они бумажные фонарики развешат, на ямыне и на лавках по улицам запустят фейерверки, захлопают хлопушками. И нам нельзя в долгу остаться. С утра на полигоне начнем пальбу из французских орудий. На обед придут послы Небесного Китая. Сто марок вина.

– Сто марок наготове, – ответил лысоватый повар. – Стол на сколько персон?

Выслушав, Мартын сказал:

– Так точно, в пять утра пойду на дежурной шлюпке на баржу. Надо взять живность.

Это не закуска на привале! И не стол для иностранных капитанов в кают-компании, где им сразу подают дюжину начатых бутылок. Переговоры о заключении трактата – подвиг. А Николай Николаевич всегда говорит, что хороший обед там, где продуктов нет, – тоже подвиг! Сказал, что, мол, запрашивай все, что понадобится, у приставленных к нам маньчжурских чиновников. Мартын обойдется сам. Не зря на этот случай взят был скот, и есть живая птица.

А муку, рис, сахарную пудру, соевый соус, рыбу и свинину, а тем более лук и чеснок да пряности китайцы ежедневно доставляют.

«Лука-перца не жалеем!» – смеется китаец, передающий нам все эти дары. Он каждый раз поднимался на борт и заходил в генеральскую кухню.

– Сегодня китайцы задали мне славный обед, – сказал Муравьев.

Весть о заключении договора с Китаем сильно тронула Мартына. В камбузе слышал, что наверху ликовали и пили шампанское. Какие хлопоты закончились, сколько лет трудились с Николаем Николаевичем. В сорок девятом Николай Николаевич с супругой ехали верхами через Джугджур, через цепи гор, с реки Лены к Охотскому морю, и Мартын был с ними. Обедали в горах, и у Мартына все там было в лучшем виде. Вот где настоящий барский комфорт – в походе, в вершинах гор. Какие там тетерева, глухарки! Какая форель в речках! Тогда еще на привалах толковали со спутниками про Амур. А теперь мы тут. И все свершилось. Есть пароходы и войско. Дело за угощением. А мешки с серебром за стенкой кто-то уже ворочал.

Мартын готовился к этому обеду с сорок девятого года и в грязь лицом не ударит.

«А что же Сибирцев? – вспомнил Муравьев. – Переменился; не таков, как был. Как он стушевывается на фоне великих событий, отходит на вторые роли. Он скучает. Или это лежка перед прыжком? Опасный голодный зверь, жалок от невзгод, от умственного голода, от запретов на жизнедеятельность. Так ничтожен каждый молодой человек в Петербурге. Я осадил его, заткнул ему пасть тряпкой официального бюрократизма. Пообещал небольшое дело. Сиди, зверь, и дыши пылью Петербурга даже здесь!» Муравьев вызвал адъютанта:

– Сибирцева ко мне!

Глава 5. Нефритовая башня весны

*О клятвах нежных,
о мечтах
весенняя истома
мне шептала.*

Старинный китайский романс

Сибирцев плавал в Амуре, в вечерней мгле заметил китайскую сторожевую лодку, перевернулся несколько раз, вышибая брызги, как играющий сивуч, и пошел быстро, прямо на лодку, рушась головой и грудью вглубь и выбрасывая руку, как касатка плавник.

Одолело молодечество, как на деревенской гулянке, нырнул под лодку и выплыл за другим бортом и пошел дальше, как ни в чем не бывало, к своему судну.

– Китайцы вас убьют, Алексей Николаевич, – сказал Маслов, подавая руку со штурмтрапа, и помог ему, зная, как после купания тяжелеет тело.

После чая Сибирцев уснул. Очнулся от нестерпимой духоты, словно вырвался из петли. Чередой нахлынули воспоминания. Опять ужас одиночества. В памяти теснились события, люди, страны, порты, моря. Купания в холодной воде не помогали. Еще сильнее слышались забытые ароматы. Рояль... Зазвенели струны и напевы. Шамизэн⁸. Горькие воспоминания неудач и промахов. Конечно, с кем не случается! Все кануло. Он шел на подвиг, но лишь при сем присутствовал, а попал на каторгу. Зачем меня сюда занесло? Здесь захолустье и таким вечно останется. Река Черного Дракона? Я хотел уверить себя, что через нее мы войдем в огромный новый мир. Но это невозможно! Сибири, как он все более убеждался, не дадут раз-

---

⁸ Шамизэн – японский музыкальный инструмент.

виться, ее душат и грабят и будут грабить. Не дали бы развиваться и Штатам, не будь они отделены Атлантикой. А Сибирь единое целое со старым миром. С отчаяния грызи борта. «Слышишь ли ты все это?» – хочется крикнуть отцу в Петербург.

Шлюпка подошла. Шаги над головой. Сапоги простучали, скатились по трапу. Стук в дерево.

– Алексей Николаевич! – послышался голос адъютанта генерал-губернатора хорунжего князя Дадешкалиани.

– Войдите.

– Вы не спите?

– Не сплю.

– Договор подписан, – сказал Дадешкалиани, входя в каюту. Он тонок, высок, в белокурых усиках, в черкеске, с кинжалом. – Генерал требует вас к себе.

Юный князь – любимец Муравьева, как приемный сын. На Кавказе в Тифлисе Николай дружил с его семьей, бывал в доме, сохранил переписку. В роду Дадешкалиани все служили в кавказской армии, учились в военных училищах. Подросткового юношу Николай Николаевич пригласил в Сибирь, обещая службу, боевые походы, и зачислил в казачье войско. Давал поручения, где требовались отвага и решительность. Князь на днях со своими донцами снес маньчжурское гьяссу⁹, стоявшее не там, где полагается. Городьба так и вспыхнула, как пук соломы.

Вельбот пошел как на гонках, выбрасывая сильными веслами легкую прохладу из черной воды в трепетных отражениях судовых фонарей.

– Кто идет? – то и дело раздавались окрики с барж, стоявших на якорях. Дадешкалиани, или, как его называли, Дадешкалиан, четко отзывался, стоя в рост.

– Плавающий особняк губернатора в праздничном освещении открылся за ивами острова, а очень далеко вдаль завиднелись редкие огни в стороне Айгуна.

– Как вы себя чувствуете, Алексей Николаевич? – спросил Муравьев, сидевший за столом в кабинете, отделанном полированным кедром, по-иркутски. – Какая духота! Вас разбудили?

– Я не спал.

– Вы волновались? Договор подписан.

– Я поздравляю вас, Николай Николаевич!

– Договор только что подписан. Вы уже знали?

– Население Айгуна утверждает, что вы отдали амбаням два мешка с серебром – и этим все было решено.

– Вот вранье!

– А князь И Шань упирался якобы для виду, чтобы не потерять лица. – Сибирцев вдруг расхохотался. – Всем известно, что власть маньчжур, где она и была, прекращает свое существование по всему левому берегу. Все решили якобы два мешка с серебром! Я знаю, что вранье! Поздравляю вас!

– Благодарю.

– Дайте мне обнять и поцеловать вас По-православному.

– Да будь благословенно наше дело. Но что за дружба у вас, кто вам обо мне докладывает?

– Китайцы жалуются мне и на вас, и на своих чиновников, как будто я приехал сюда из Пекина ревизовать айгунского амбана.

– Зачем вы так часто и подолгу плаваете в холодной еще воде, Алексей Николаевич? Китайцы сегодня после подписания договора сказали мне, что в Амуре около моих барж ночью плавают драконы.

---

⁹ Гьяссу – укрепленный пост, куда приезжали сборщики дани.

– Это хорошо. Хей Лу Цзян – Река Черного Дракона, Черный Дракон. Никогда не тронут, – ответил Алексей. – Пока это мое единственное удовольствие на службе прогресса. Плавать, я успокаиваюсь.

– Тяжелая задача?

– Да.

«Отчего вам так надобно успокаиваться?» – хотел бы спросить Муравьев. Но он никогда не совал нос в личные дела своих сподвижников и сплетнями, как министр и губернаторы, не занимался. Однако кое-что лезло в голову... Что с ним? Разрыв с невестой? Уже давно, кажется, а забыть не может. Могла изменить в войну, вышла за другого. Кто же будет ждать, если в Японии у всех наших офицеров были японские жены.

Муравьев помолчал и подумал.

– Приступим к делу, – сказал он.

– Вы подписывали трактат, а на меня повеяло раскаленным жаром тропической весны, и я не мог заснуть.

– Что же вы делаете в таких случаях? Читаете?

– Я не зажигал огня. Князь Дадешкалиани вошел во тьму и засветил мою свечку... Читал на память... Стихи китайского поэта о нефритовой башне весны.

Генерал подвинул Алексею лист трактата и откинулся в кресле.

– Без триумфальных арок, церемоний и декораций. Утром за дело! Теперь решетка отворяется, и я выпускаю на арену молодого тигра.

Видно, придется оправдывать похвалы.

– Завтра вы с полковником Ивановым передадите китайским представителям, которых назначил князь И Шань, две пушки. Остров выбран. Полковник и артиллеристы покажут испытания. Вы готовы?

– Да. Стрельбище подготовлено. Пушки и цели установлены. Люди там, на месте, живут в палатках. Кони пасутся. Все как на артиллерийском полигоне. Золотые руки у наших нижних чинов!

– Вам все известно? – спросил Муравьев.

– Так точно, Николай Николаевич!

– Что намерены делать после сдачи пушек?

– Жребий мой выбран. Я остаюсь начальником поста на устье Зеи, в городе Благовещенске.

– Это вам нравится?

– Я все время приглядываюсь к стране. Вы же сами, Николай Николаевич, сказали мне, что это высокая честь.

– А вы поверили! Я сказал, чтобы испытать вас!

– Вы так и государя императора испытываете и всех, с кем вам приходится встречаться?

– Неужели вы полагаете, что я приказал вам подобрать команду из образцовых матросов для плаваний через реку в гости к айгунскому амбаню и чтобы посадить вас здесь всех на зимовку? Трепещите!

Случается, что от внезапных выходок Муравьева людей поражает как громом, они теряются, их трясет. Таков стиль правительственный, введенный в обиход покойным государем.

– Холодный климат привычен вам?

– Я вырос в холодном климате.

– Но я не оставлю вас в холодном климате.

Муравьев умеет задать распекацию, заявить как бы невзначай: «А ну, не велик барин! Одним росчерком пера я могу превратить Амур в Россию, а независимого офицера с такими же взглядами, как у меня, – в нуль».

– Мы с вами люди дела. Вы мой самый доверенный и самый неутомимый спутник. На вас вся моя надежда! Вам будет вручен пакет с бумагами. Шлюпка и команда наготове. Ваши люди. Припасы, продовольствие рассчитал Маслов.

– Да, он говорил мне.

– После сдачи пушек отправляйтесь в плавание с вашими опытными матросами.

– Куда же идти? В Петербург? – В Сибирцеве проснулся ретивый исполнитель. Сорвалось с языка, не утерпел.

Муравьеву самому хотелось бы в столицу! За почестями, за признаниями и славой! Прочитать про себя в петербургских газетах. Но он не старичок, играющий в ордена и звезды, и дела своего не покинет. Он тысячу раз должен доводить дело до конца, пока в душе есть божественный огонь. Ему уже перевалило за сорок, ждать нельзя. Он с честью перешел из одной эпохи в другую. Скоро огонь начнет гаснуть. А дела много. Дело еще только начинается. За нами будущее.

– В другую сторону, Алексей Николаевич. Надо не только известить нашего посла в Китае графа Евфимия Васильевича, что сегодня подписан договор, но и остеречь его от промахов, которые он готов наделать. Туда, откуда, как вы сказали, повеяло на вас раскаленным жаром весны, где знакомые вам горячие ветры. Сон в руку, Алексей Николаевич. Ветры плодородия дуют там с благословенной равнины Китая. Я все решил, еще когда вы играли и пели.

– Что же вы мне раньше не сказали? Ведь я же должен приготовить себя и людей и все необходимое. Зачем было держать в секрете?

– Маслов был с вами в Японии и в Гонконге. Он уже все подготовил, но не знал, куда идти. Завтра поставит всех интендантов на ноги. Я отдам приказания. Маслов – кругосветный моряк. Теперь он – офицер. С богом! В Китай! В залив Печили! На русскую эскадру. К послу Путятину. После разгрома в Кантоне соединенные эскадры англичан и французов, а также американцев пришли на север, в залив Печили, угрожая Пекину. Наш адмирал прибыл туда раньше всех. Остерегите его. А то он заключит договор, который может все испортить. Не считите хвастовством, я знаю, что говорю. Из всех англичан я считаю графа Элгина своим единственным достойным соперником. Повидайте его. Какие новые сотрясающие удары наносит он по запертым воротам Китая... Кому и какие удары придется наносить вам, мой дорогой? Вы помните дуэнью в романе «Варфоломеевская ночь», которая, сопровождая героя ночью к любовнице, упрекает его, зачем он берет с собой кинжал, и говорит: «Вам придется наносить там удары совсем другим оружием».

Шутка некстати и оскорбляет молодые чувства Алексея Сибирцева. Муравьев не циник, это не Кавадзи. Знает, как тяжело исполнить его поручение, хочет золотить пилюлю. Но, черт возьми, как, однако, хороша жизнь!

– Я бы дал вам пароход для спуска по Амуру, но пришлось бы останавливаться, рубить дрова. И ночью пароходу нельзя идти. Парусная шлюпка с такой командой пойдет быстрее, чем пароход. В стойбище Бельго живет мой друг – гольд Удога, его возьмете лоцманом в низовья. И с богом! В Де Кастри вас ждет паровой корвет. В Печили! Если же Путятин нет в Печилийском заливе, то в Шанхай. Нет в Шанхае – еще южнее, в Макао. Это рядом с Гонконгом. Так, сдав пушки и штуцера и не теряя времени. С раннего утра завтра вас ждет И Шань. Поезжайте в Айгун, явитесь во дворец с полковником Ивановым, представьтесь князю И Шаню, как иностранному генералу офицер армии дружественной державы. Вы берете на себя военно-дипломатическую часть. Полковник и офицеры покажут действие новых пушек. И Шань отправит вместе с вами на полигон своих офицеров. А я готовлю прием и обед китайским послам.

Муравьев еще раз объяснил подробности поручения.

– На полигоне все готово?

– Так точно...

– Я верноподданный государь, и мне, как никому другому, оказано доверие. Его императорское величество проникнут интересом к будущему Сибири. Амур его детище. Я не могу вам даже вкратце всего передать. Вам надлежит оправдать высочайшее доверие...

«Вот и поди ж ты!» – подумал Сибирцев.

– Дорогой мой, я отрешился от былых заблуждений. Не предавая никого. Советую и вам. Тогда дело у вас закипит, какое бы разочарование ни было модно в обществе. Я по-прежнему не верю в несекомые сословия с их ужимками. Но я верю в секомые сословия, за ними будущее.

«Что за страсть у выходцев из знатных родов чернить дворянство, возбуждать народ против самих себя, против своего же, самого образованного и стойкого из сословий? Да как услышит это не грамотный народ, а чернь, да вас же, деклараторов ненависти, потащит на гильотины».

– Впервые русские и китайские артиллеристы вместе будут стрелять по целям как союзники.

– Николай Николаевич! Осмелюсь, однако, еще раз предупредить вас, что китайцы вряд ли примут пушки. Этому причиной не боязнь монгол, через чьи земли должны пройти караваны, а в том, что такие грузы через материк не могут пройти незамеченными. Этого не скроешь. Тогда как в портах можно тайно приобрести от иностранцев все, что вздумается. Надо видеть, что там творится, какая торговля оружием и пушками.

– А вы видели?

– Да, я видел. В Петербурге знают об этом из европейской прессы, скупой на такие признания. Государь утвердил представление Путятина. Его величеству далеко не все известно.

Муравьев слушал, отвлекаясь и о чем-то соображая.

– Уступка их без получения от нас вознаграждения выглядит благородным поступком соседа и обязывает нас к согласию с ними. Это великодушие. А Евфимий Васильевич превращает дело в торг. Китайцы, как известно, хитры, но лишь когда их благородство и великодушие бывают отвергнуты.

– Нет, китайцы так не думают. Не преувеличивайте их благородство. Им сейчас не до того. Прерываю вас. Я генерал-губернатор и приказываю. Помните. Исполняйте завтра же.

Глава 6. Дипломатический обед

«Ну погоди, Муравьев, я отплачу тебе, – думал князь И Шань, слегка опьяненный, довольный и смеющийся от души. Неприятное настроение рассеивалось, и опасения, владевшие им сегодня, когда он отправлялся на дипломатический обед, временно стихли. – Не думай, что ты победил! Сто марок вин! Ты думаешь, что у нас в Китае не найдется сто марок. Научился у французов и на Кавказе, как можно изысканной вежливостью и угощениями задеть человека, нарушить его спокойствие вкусными кушаньями и небывалой почтительностью. Такой едой и винами! Ты думаешь, нам нечем ответить? Такое обилие блюд! Пьянство как из лошадиных ведер. А ты знаешь ли, что на приемах у англичан я и мои китайские сановники показывали, как невкусна западная пища, отталкивали от себя вот такие же кушанья, подаваемые даже на серебре».

И Шань мог бы сказать, что у богдыхана имеется фарфоровый сервиз, который, как считается, прислала ему в дань английская королева. Говорить не стоит про императорскую посуду. Так люди сидят и говорят любезности, а главное и самое интересное утаивают друг от друга. Ради дисциплины и порядка нельзя сказать о севрском фарфоре во дворце Юань Минь Юань. А мятежники на юге убивают императорских солдат, и это уже не тайна. Дрожь пробегает по телу при одном воспоминании о событиях на юге.

«Но и я очень хитрый азиат, Муравьев, такой именно, каким у вас представляют нас, и я это тебе докажу. Сто марок вин! Двадцать пять кушаний. Разве ты думаешь, что в китайской

кухне не найдется гораздо большего количества изысканных блюд и деликатесов? Я бы угостил тебя гнездами ласточек, пропитанными птичьим жиром, или пилюлями Божественного меда, о которых вы, может, ничего не слыхали. Жизнь в приамурских провинциях груба, чужда аристократической утонченности. А нам хотят доказать, что Китаю следует лезть еще выше на север по европейской карте мира, туда, где нет китайнок, где женщины грубы, как олени телки. Но у И Шаня есть с собой не менее вкусные китайские вина, чем твои из Франции. Мы знаем все о тебе: что у тебя француженка жена, но сам ты азиат и татарин и не знаешь меры в угощениях. Конечно, все хорошо, все приятно, от радости хочется посмеяться. Если бы не тяжелые заботы».

Издали докатился раскат орудийного выстрела. Как раскат грома. И сразу выстрелила другая пушка. Выстрелы были сдвоенные, все знают, что сегодня шло учение не на шутку и еще не закончилось, стреляют бомбами по целям, по пням и по деревьям. Хороший салют для парадного обеда.

А вот заиграла духовая музыка здесь, на палубе губернаторской баржи, похожей на плавающий ямьнь.

Князь И Шань попросил сделать любезность и посадить юного кавказского князя Дадешкалиани рядом с ним и с переводчиком. Хорунжий при прошлой встрече очень понравился И Шаню. Он в черкеске, с двумя рядами золотых газырей на груди, с кинжалом, ручка которого в золотой насечке. Очень горячий при исполнении дела, вихрем скачет со своими казаками, высадившись на берег по поручению Муравьева. Имеет право! По левому берегу! Там у них, на Кавказе, колючие леса, сползающие со скал к стремнинам. Но там у Муравьева была не только служба, а целая жизнь... Дадешкалиани как родной Муравьеву. Его любимец как приемный сын у японского князя.

Старый князь и молодой князь стали вежливо уверять друг друга в преданности России и Китая друг другу. И Шань с длинными белокурыми усами и блондин хорунжий со светлым пушком на губе посматривали друг на друга с симпатией. Дадешкалиани остер, за словом в карман не полезет, изысканно любезен, учтив, чувствуется кавказская натура и петербургское образование. Склоняет И Шань со временем приехать в Петербург.

«Это ты, Муравьев, на Кавказе воевал, вмешивался со своим войском в распри между христианами и магометанами и там научился от тех и других доброжелательному гостеприимству! Привез к нам кавказского красавца князя. Это тоже хвастовство, на которое Китаю пока нечем ответить. У нас пока нет своего Кавказа, но есть Тибет».

– А у вас едят свинину? – спросил И Шань.

– Да, ваше сиятельство.

Ответ понравился И Шаню.

– А баранину?

– Да, конечно.

И Шань поморщился. Молодой хорунжий знал, что китайцы считают далеко не всякую баранину изысканной пищей. Любую баранину едят монголы. Это плохая рекомендация. Но он не желал бы из вежливости осуждать то, что принято в другом народе. Дадешкалиани сказал, что кавказская аристократия, как все и всюду в Европе, приняла французскую кухню, но что и народ, и знать одинаково любят баранину и сохраняют вкус ко множеству собственных кушаний. И Шань услышал, как бараньи вырезки жарятся на шомполах и что шашлыки любимое кушанье всей русской императорской кавказской армии. И какое вино пьется в каком случае. И Шань выслушал целую проповедь, как по священной книге, про символы вин и про обычаи мужского братства.

И Шань вздохнул, но не мог не согласиться, что это может быть очень вкусно и освящено древними легендами. Даже слушать вкусно. Народ с обычаями заслуживает уважения. Даже если в нем меньше, чем триста миллионов душ. И очень гордо рассказывает молодой князь. В

нем есть аристократизм. Мужская дружба воинов превыше всего! Муравьев сказал, что тоже любит шашлыки.

– У нас есть шандунская баранина, которую тоже любят все китайцы, – обронил И Шань.

«Про Муравьева не скажешь, что он варвар. Вежлив и честен, как настоящий азиат, тверд, как татарин, и вызывает к себе доверие. Он никогда не предаст Китая и его династии, в этом можно быть уверенным».

– А что еще говорят у вас про политические события, князь?

– Опасаются, что вы, Муравьев и англичане, деля мир и враждуя, дошли до Китая и разорвете его на части, а мы будем виноваты. Кому мешает огород с тыквами на острове Манчсаха или с арбузами на Ли Шуй Коу? Люди тихо живут и гонят самогонку из своего проса... Так хорошо. Но мы не можем так сказать, конечно, мы сами виноваты, не устояли перед соблазнами индийских зелий и товаров морских пиратов. С этого все началось. Теперь я понимаю, почему вы их не любите. А они вас.

И Шань сказал грузинскому князю, что велит подать на своем пиру юнаньские и гучжоуские вина. Настойки на тигровых костях. Вина с островов южных морей. Какие ароматичные и сладкие вина с юга Китая! Крепкие северные, настоянные на целебных корнях. Тут и возбуждающие: из корня жизни и из коры целебного дерева. А есть амбань-ханьшин – генеральский ханьшин – чудо виноделов, из риса, выгоняющих не ту араку, которой спаивают простолюдинов, а прекрасную водку для руководства и бюрократии высших мандаринов, накрепчайшую, как спирт. Многие иностранцы ценят ее как алкоголь удвоенного действия. Один день пьешь, а несколько дней ходишь пьяным. Если с утра выпьешь натошак чашку чистой холодной воды, заново становишься опьяненным!

Прибыли генерал Дзираминга, айгунский амбань и Фудь Хун Га. Дзираминга сказал, что пушки хороши. Все благодарили Муравьева. Хотя не стоило беспокоиться.

Пальба на островах началась сегодня спозаранку. Видно, китайцам понравилось, и они в свое удовольствие все еще лупят по мишеням. Так могут истратить все бомбы.

– Будем еще учиться, – сказал айгунский амбань.

– А где ваш офицер Си Ли Фу? – спросил Фуль Хун Га.

– Это они так нашего Сибирцева окрестили, – пояснил переводчик Шишмарев.

– Сибирцев – Си Ли Фу, – ответил Муравьев, – готовится в дальний поход по моему поручению. Он все объяснил? Он вам еще нужен?

– Ваш офицер действовал правильно, как вы ему приказали, и принес большую пользу, – похвалил дивизионный генерал.

– А вы знаете, кто этот офицер? – вдруг спросил И Шань.

– Да, конечно, – ответил Муравьев. – Мой офицер Сибирцев представился вам?

– Да, да Он являлся ко мне в Ямынь с офицерами.

– Вы с ним поговорили лично?

– Да... – ответил И Шань, давая понять, что мало говорил. Известно, что еще вчера князь пожелал видеть Сибирцева. – Мне показалось, что я его где-то видел.

– Где же?

– Не могу вспомнить.

– Были ошибки при соблюдении этикета?

– Нет, нет... Что вы? Как можно! Все прекрасно. Он слишком хорошо все знает.

– Ваши чиновники смогли понимать моего офицера, когда он говорил по-китайски?

– Да... – грустней ответил князь. Что-то ему, кажется, не понравилось.

– Или он плохо говорит?

– Нет, он говорит хорошо.

– Можно понять?

– Да, понять... вполне...

И Шань все же что-то недоговаривал. Ну ничего, позднее узнаем.

– Он князь, как Дадешкалиани? – спросил Фуль Хун Га.

– Он дворянин высокого звания, – ответил Муравьев и подумал: «Вот и вози после этого с собой князей; с другими офицерами дела не хотят иметь...»

– Да. Но... знаете... ваш офицер говорит не на нашем языке, – сказал вдруг И Шань. – Это мои чиновники утверждают.

– Они его не поняли? – багровея, нервно и требовательно спросил Муравьев.

И Шань смолчал.

– Мы поняли его, – сказал генерал Дзираминга.

– Как же вы его поняли, если он говорит не на вашем языке?

– Старались и поняли, как нам было приказано.

– Его сиятельство князь И Шань понимал Сибирцева. А вам помогали толмачи?

– Толмачи, как люди небольшого звания, не принимают участия в государственных разговорах.

И Шань молчал.

«Дел еще много, – подумал Муравьев, – закончим возиться с маньчжурами, и благодарственные молебны придется слушать во всех ротах и эскадронах». Генеральская баржа иллюминирована. Сегодня предстоят салюты. И Шань всегда просит не стрелять громко, зря, победить снаряды на случай встречи с врагами и не пугать местных жителей.

– Си Ли Фу говорит по-кантонски, не так, как у нас считается правильным, как говорят в Пекине, – объяснил Фуль Хун Га.

У Николая Николаевича отлегло от души. Ах, не так, как в столице! Это понятно! Экий бюрократизм!

– Пишет ли мой офицер по-китайски?

– Да, он письменно объясняется.

Муравьев и князь И Шань уединились для отдыха в спальном салоне. С ними переводчик Шишмарев.

– Но вы, генерал-губернатор и управляющий пяти величайших провинций империи, давно ли знаете Си Ли Фу? – спросил И Шань.

– Конечно.

– Он человек вашего народа?

– Да.

– Вы уверены?

– Вполне. Он верно служит государю.

– Моим чиновникам кажется, что он нерусский.

– Он не немец.

– Да, конечно.

– За кого его приняли?

– Ах, черт возьми! Вот я забыл название этого народа. Только что мы с вами о них говорили. Из тех морских пиратов, которые взяли Кантон.

– Они решили, что он англичанин?

– Да.

– Почему так показалось?

– Со мной есть чиновники, служившие в Кантоне. Они заметили, что он говорит по-кантонски. Но неправильно, не точно как в Кантоне, а по-гонконгски. Значит, он учил язык на юге, от кантонских китайцев, убежавших в Гонконг. Но и по-гонконгски он говорит не чисто, а с английским акцентом. Это вселяет опасения. Я должен вас предупредить...

«Что они к нему привязались!» – подумал Муравьев.

– Есть ли в вашем великом государстве особые чиновники, проверяющие сведения, которые сообщают о себе подчиненные? – спросил князь И Шань.

«Но что их так Сибирцев всполошил?»

– Есть. А у вас?

– У нас много.

– А не сходят ли они с ума от постоянной подозрительности, не заходит ли у вас ум за разум, и не мерещатся ли вам всюду тайные враги?

И Шань сжал губы, на вид отупел, стал как истукан.

– Наши чиновники никогда не сходят с ума, находясь на службе.

– А я слышал, что даже самих себя многие подозревают.

И Шань вежливо и хитро заулыбался:

– А вашим чиновникам было бы известно, если мама этого офицера когда-нибудь в юности... встречалась со знатным иностранцем?

– В нашем великом государстве нравственность высока и ничего подобного не случается.

Муравьев сказал, что офицер был с адмиралом Путятиным в Японии, сидел у англичан в плену в Гонконге. Потом с другими пленными отправлен был к королеве Виктории.

– Будьте с ним осторожны, генерал и посол. Я не хочу, чтобы англичане узнали про наш договор раньше, чем наши государи.

«Эка что!»

– Может быть, настоящего Сибирцева, когда он воевал, взяли в плен и там подменили? В ваших странах все люди походят друг на друга. Их трудно различить по лицам. Вслушайтесь, генерал, он говорит по-русски не чисто, с западным акцентом. Мне показалось, что он по-гонконгски знает лучше, чем по-русски.

«Черт знает что им лезет в голову после того, как англичане задали им кровавую баню, – подумал Муравьев. – И Шань, который выказал себя умным дипломатом, буквально одурел, когда речь зашла про бдительность и благонадежность. Пуганая ворона куста боится. И меня чуть не сбил с толку. Ведь они по-русски знают мало, а берутся судить о нашем языке, словно служат в Петербурге в Академии наук».

Для Муравьева очевидно, что его новый приятель маршал И Шань воспитан в боязни тайн. «Могут и себя, да и меня с ума свести... Да и я от них далеко не ушел. Я-то верю, конечно, Сибирцеву, знаю его. Но вот если... А что, если слух разойдется и напишут доносы в Петербург... прочтут в III отделении, и там не поверят. Но может встревожить кого-то. И пойдет... Пойдет писать губерния. А кто его знает в общем-то... А вдруг да на самом деле что-то? Дыма без огня не бывает. Тогда что же я посылаю его со всеми секретами в британский стан? Это означает пускать щуку в воду».

И Шань сказал, что его также беспокоит, почему Сибирцев прыгает в воду. Человек ли он?

– Да, утром и на ночь он купается.

– Плавает ли ночью?

– Ночью, по-моему, никто не купается, – ответил Муравьев.

– Это очень страшно, когда человек лежит в воде как покойник, а при этом быстро движется на любое расстояние.

– Еще в древнем учебнике китайской географии, – хотел свести все к шутке Муравьев, – по которому еще и теперь у вас учат в школах, написано про русских, что это народ, который умеет сеять, но не умеет пропалывать, но что русские хорошо плавают через реки, движутся по воде как по суше.

И Шань не входил в подробности, но заметил, что умеющий так плавать может стать опасен. Человек доверенный, при секретах, не должен плавать один так далеко. Так ему, может, пришлось в голову, что можно уплыть, захватив важные государственные тайны, и передать их

противнику на другом берегу реки или за морем. Кто переплывает такую реку, тот может переплыть и море.

– Вам не надо о том думать, – сказал Муравьев. – Это мое дело, и я глубоко благодарю вас.

В салон подавали вино. Муравьев сам пил и напоил гостя. И Шань, кажется, полагал, что представляется удобный случай поговорить откровенно. Остались один на один лишь с переводчиком. Князь ослаб, это заметно. Муравьев попросил его чувствовать себя как дома. И Шань понял буквально или сделал вид; не заставил себя долго ждать, распоясался. Решил быть еще откровеннее и совсем по-домашнему распахнулся.

– Скажите, генерал и посол, а бывает ли, что переводчик, который слышал много тайн, – тут князь поскреб ногтями в затылке и рыгнул, а потом высморкался в розовый платок, – после важных переговоров... ну... Случается с переводчиком несчастье?

– С кем угодно может случиться.

– Что-нибудь съест и...

Шишмарев перевел слово в слово, но глаза его посоловели. Его при нем же советовали отравить после таких переговоров. Настолько они секретны. Он с мольбой обратил лицо к генерал-губернатору. Вопрос ужаснул не на шутку, словно его вот-вот пустят на дно Амура с камнем на шее.

Муравьев ответил, что переводчики клянутся на Евангелии и что в России все верят в бога и не изменяют вере. Своему переводчику он верит как себе.

– А у вас?

– А у нас по-разному. Считается, что иногда опасно доверять. Мы стараемся иметь меньше переводчиков. Китайцы, которые служат переводчиками у англичан, оказываются нашими злейшими врагами. Вам, генерал и посол, лучше знать наш язык самому, а переводчики вас подведут. Это хитрый народ. Хороший и порядочный человек не пойдет на такую работу. Пустое шпионское занятие. Как у англичан.

И Шань совсем раскраснелся, ему мало, что он распоясался и распахнулся. Он снял с себя парадный тяжелый халат. Он снял и розовый халат, остался в нижнем, похожем на длинную рубашку. Пьянел в меру, цепко вглядывался в лицо Муравьева. Понимал, что ведет себя не совсем пристойно, как лесной охотник, напившийся у торговца, как дикарь, и, кажется, делал все это нарочно, испытывая Муравьева. Желал испытать, стал ли тот ему, китайцу, подлинным братом, который все простит и простоту стерпит. Или ему в душе отвратительно, как англичанину на его месте сейчас стало бы. Если ты свой, так во всем. Князь испытывал нового союзника. Выкажет ли свое превосходство и презрение к азиатской простоте и распущенности желтого вельможи. И этим обнаружит, что общеевропейские интересы всем им ближе, чем соседство.

Муравьев, как брат, виду не подал. Он расспрашивал и мотал на ус. Опять И Шань сказал, что мы оба народы северные и друг другу близки. Муравьев делал вид, что не понимает, о чем речь. Заходить так далеко он не намеревался. Это походило на то, что говорил когда-то Невельской, что маньчжуры в случае падения их династии будут проситься в подданство России. И Шань нетрезв, но говорит трезво, гораздо основательней Невельского, и дело казалось исполнимей, так как сам маньчжур о нем толкует.

Молодой Сын Неба знал ли, что делал? Им прислан дипломат тончайшего ума. Или есть у них влиятельная оппозиция? И Шань желает испытать: союзники ли мы на самом деле или такие же захватчики, как все европейцы?

– После переговоров вы поспешите прямо к своему государю?

– Да, – ответил Муравьев. – Осенью я буду в Петербурге. Если появится чрезвычайная необходимость, то выеду немедленно. Говорите прямо.

– Положение маньчжур очень хорошее, мы побеждаем мятежников самозванца Хуна и разбиваем войска и флот варваров с Запада. Но в будущем хотели бы под надежную власть, –

от волнения И Шань схватил воздух ртом, – присоединиться к сильной империи. Если при наших победах нам грозит полное уничтожение, мятежники придут, то все мы погибнем от рук китайцев. Наша страна, конечно, бывала еще в большей опасности. Поэтому мы рады, что вы на Амуре и приморские земли в совместном владении и граница там не определена. Мы просто выедем на свои земли, общие с вами, и окажемся с Россией в одном государстве, что всегда можно подтвердить войскам и сославшись на трактат. Китайцев это дело не касается. Тайпины, как националисты, не признают захваченный нами Тибет, а также и Маньчжурию настоящим Китаем.

– Да, над Китаем нависла угроза. После сражений в Кантоне начинается новая война против Китая. У меня нет самых последних сведений. Вероятно, вы, князь, знаете больше меня. Соединенные флоты двух сильных держав высадят войска, чтобы угрожать Пекину.

И Шань усмехнулся:

– Англичане очень легкомысленный народ, если думают, что Китай можно завоевать. Их новые пушки и скорострельные винтовки лишь глупые выдумки, которыми можно разбить поиска, но нельзя победить Китай. Этого не будет никогда. Они полагают, что если мы потерпим поражение в боях, то сдадимся. Их новые часто стреляющие пушки привезены, чтобы пугать. Но такую страну, как Китай, нельзя победить и тысячами пушек. Англичан горсть. Они могут пробить брешь в стене Кантона, захватить ямыни, уничтожить часть наших войск, но они даже не в силах разграбить все лавки в большом городе, как Кантон. Они ничего не сделали там с Китаем. Мы не верим в их выдумки, что нас можно победить. Ваши две пушки мы посмотрели с благодарностью и остальное вооружение. Мы, конечно, все возьмем, когда будут полезны. Но спокойней нам с вами жить в одном государстве. Может быть, при двух монархах.

Муравьев начинал постигать, о чем так давно хотел и не решался поговорить с ним князь И Шань. Он давно клонил к этому и дотянул до последнего. Переговоры о трактате он провел с честью и достоинством, соблюдая интересы своего отечества, династий и китайского народа. Теперь же шел частный разговор.

– Страшны не англичане, а мятежники, – вдруг вскинув свою гордую голову, признался маршал. И Шань – Восстание в нашей стране разрастается. Армии тайпинов увеличиваются. Они несколько раз пытались прорваться к столице, надеясь на поддержку в торговых городах. Но в одном из самых богатых наших городов, на севере страны, в Тяньцзине, который стоит там, где оканчивается Великий Канал, купцы, торговцы и ремесленники вооружились до зубов и нанесли повстанцам полное поражение. Династия еще крепка, поэтому сможем найти спасение только в России. При этом мы до последней возможности будем побеждать.

И Шань достал из футляра и показал карту, составленную мятежникам, на которой Китай показан без Маньчжурии и Монголии, и пояснил, что эта карта признана Хуиом и принята всеми тайпинами, хотя вычерчена еще французами при императоре Кхан-си. Как всегда, в истории все запутано. Маньчжурии на этой карте в составе Китая нет, хотя Маньчжурия главная часть Китая. А если тайпины захватят страну, то сразу же начнется завоевание Маньчжурии и поголовное уничтожение всех маньчжур.

Похоже было, что И Шань выпил здорово, но лишь для храбрости, как сват, собравшийся по важному делу. Чтобы его свалить, понадобилось бы ведро. При случае откажется, заявит, что не помнит, говорил спьяну. При этом утверждает, что династия крепка и Китай непобедим.

На прощание И Шань повторил свой совет не доверять Си Ли Фу и узнать о нем все поподробней. Проверить, куда он плавает. Позаботиться о здоровье переводчика Ши Ма Фу.

«Нарочно пугают Шишмарева, намекая, что зарежут его при случае, если распустит язык».

Когда сампунка князя со множеством фонариков на бортах и на мачтах отходила, с парохода и судов амурского сплава грянули салюты. Снопы огней разносились по ночному небу, множество искр летело по ветру и падало в Амур.

Глава 7. Донские казаки

– Китайцы вас, Николай Николаевич, вокруг пальца обвели.

– Позвольте, позвольте. Меня ли? Присядьте, Алексей Николаевич, и скажите все толком. Вам желательно было остаться в Благовещенске?

– Я к этому готовился.

– Вы желали продолжить здесь свои изучения?

– Я подчиняюсь вашему приказу. Но я не хотел бы идти на юг Китая. Мне там нечего делать. Я был там в плену и не хотел бы еще раз появляться.

– Вот характер! Молод, а норов! У вас такие неприятные воспоминания?

– Да.

– Личные дела отбросим, Алексей Николаевич.

Подозрения, высказанные И Шанем, мелькнули в голове Муравьева. Он опять, как случилось в пору Незабвенного, почувствовал себя напуганным. Отменить поручение, данное Сибирцеву, уже нельзя, поздно, а яд действовал. Это была втравленная в душу низкая потребность подозрения, он презирал ее в себе.

– Для того чтобы знать и решать дела с соседними странами, надо постичь их как следует. Здесь, на грани двух миров, многому можно поучиться.

– Зачем вам это?

– Тут-то и надо изучать отношения России с Китаем, на месте их соприкосновения. А не в Кремле и не на Дворцовой в министерстве.

– Так вас интересует освоение Приамурья, как оно пойдет?

– Да, Николай Николаевич, должен знать.

– А вы опять плавали через Амур?

– Купаться по уставу не запрещено.

– Вы прыгнули с борта вниз головой! И Шань как ополоумел. Хотя и уверяет, что мы и они народы родственные. Зачем спектакль устраивать?

– Какое их дело! Мы возились, и я упрел. Может быть, я кинулся в воду от радости, что убираюсь отсюда.

«Он хитрит!»

– Какая может быть радость, когда китайцы плетут на вас бог знает что?

– Пусть пеняют на себя. Полковник Иванов все объяснил. Капитан Лукин показал стрельбу бомбами. С первого выстрела лесина разлеталась в щепы. Потом через рощу стреляли навесными и попадали в цель. Все чертежи готовы к передаче. Но пока не берут. Лукин еще будет объяснять, что возможно. А они, чего доброго, если даже примут, вместо того чтобы палить из этих пушек по неприятелям, спрячут их где-нибудь во дворце, как сокровища, вместе с шелком и фарфором... А маньчжуры, конечно, родственны некоторым нашим племенам. Под таким предлогом вся Азия скоро запросится к нам в Россию.

– Только мне еще маньчжур не хватало! Амбань получил рапорт, что ночью в реке плавает чудовище, похожее на человека. Они и прежде получали подобные сведения, но беспокойства не проявляли. Как говорит Шишмарев, их опасения иностранцев вполне уживаются с понятием, что вода и пространства населены драконами и оборотнями, и это их правительство не тревожит. Они боятся англичан, а не драконов.

– По их мнению, вредна холодная вода, можно заболеть, освежаться надо горячей водой, опускать в ведро с водой полотенце, ну, дальше вы сами все знаете. А уважающий себя человек не должен лезть в реку и махать голыми руками, это неприлично. Напрягаться должны низшие, а лицу высокого ранга надобно показывать, что он от усилий освобожден, а только думает. И неприлично такую великую реку превращать в баню.

Муравьев напомнил про секретные сведения, о намерении Элгина произвести демонстрацию у берегов Приморья.

– Англичане на это не пойдут, – возразил Алексей. – Им это не надо. Они избегают хоть в малой мере задевать наши интересы, даже если вы досадите им. Это все вам, Николай Николаевич, нужно, чтобы пугать правительство.

– Как бы то ни было, но вы произведите демонстрацию на пути в Печили. Пройдите там, где мы ищем пригодный для нас Босфор. В прошлом году Чихачев на «Америке» прошел вот здесь, проливом, который на английской карте назван Гамелин. Демонстрация необходима. Может быть, возвращаясь, пройдете там же, если что-то не задержит. Пока нет никаких сведений об англичанах там, но могут в любой миг появиться. Их флот поблизости – в Печили. А что стоит пройти это расстояние для современного парохода? Венюков со своим отрядом пройдет в гавань Ольги через горы из бассейна реки Уссури. У вас есть какая-то своя цель?

– Да, у меня есть цель. Такая же, как у вас.

Муравьев встал.

– Вы желаете создания здесь, на Амуре, отдельной республики? И полной независимости от Петербурга?

– Делить Россию я не собираюсь. Такую республику тут придавят или закабалят иностранцы.

– Вы знаете, что китайцы вас подозревают?

– Я знаю... Они это умеют.

– А кто не умеет? Вы желаете изнурять себя из-за несчастной любви? А из скромности ссылаетесь на идею и политику?

– Как же мне жить?

– Вы хотели бы выдержать штормы в прямом и переносном смысле, упражняться в езде, в стрельбе, в изучении иероглифов?

– Да, и прийти к браку по расчету.

– Разочарование не может стать причиной такой деятельности. Иногда кажется, что вы на самом деле старше своих лет и что смелые мысли вам кем-то внушены, что вы лишь исполнитель чужих замыслов.

– Это вы, Николай Николаевич, внушили мне. Постараюсь исполнить ваше поручение.

– С богом, мой дорогой, милейший Алексей Николаевич! Но помните: я в генеральском мундире и осыпан милостями государя. А где вы жили в Лондоне? На Чаринг-Кросс?

– Я жил на Пикадилли. В книжных лавках на Чаринг-Кросс я купил карты и книги. Зачем вспоминать, Николай Николаевич?

– А вы знаете, что китайцы уверяют меня, что вы англичанин?

– Да, они лупят на меня глаза, как на огородное чучело.

– Они решили это, когда услышали, что вы по-китайски говорите с английским акцентом: предположили, что вас подменили в Лондоне, что это не вы, а человек из Гонконга! И все это чиновниками, бывавшими в Кантоне, выяснено и доложено князю И Шаню. А он умолял вас не доверять.

– А откуда чиновники И Шаня могут знать английский выговор и гонконгский язык? Вы не спросили? Какие у И Шаня чиновники из Гонконга! Это вранье. Вы бы его спросили...

– А вы в ямыне долго говорили с ним?

– Он басни сочиняет, что кто-то ему из чиновников внушил подозрение. Когда мы были в ямыне и представлялись, я следил за ним и вдруг заметил невольно, что едва начал ему отвечать поподробней, как он с лица переменился, словно услышал что-то знакомое. Он и есть, Николай Николаевич, этот чиновник. Он сам шпион из английского Гонконга. Он сам знает англо-кантонский жаргон.

– Ну-с... А дальше?

– Уж если на то пошло, пожалуйста. Его англичане звали Ке Шань, а в Пекине он был И Шань. Он тот самый императорский родственник и полномочный посол, который двадцать лет назад отдал англичанам Гонконг и заключил мир, за что его объявили английским шпионом и приговорили к казни. Он отделался дешевой ценой, отдав скалу в море в обмен за мир для Китая. Но получилось, что он творец и создатель Гонконга, и никто до сих пор не верит, чтобы англичане не вознаграждали его мешками серебра. Но англичане, видно, везде теперь мерещатся. Он так привык к ним, что уловил оттенки жаргона в моем произношении.

– Откуда вы все это узнали?

– От надежного человека.

– Кто он?

– Этого я вам не скажу. Вы великий государственный деятель, вас со временем признает весь мир, о вас будут книги, вы напишете мемуары и приведете в них имя человека, который без вознаграждения обещал доставлять мне разные секреты. С вас как с гуся вода, а у маньчжура потомки останутся. А здесь так просто, как в Европе, на шпиона не смотрят...

– Когда вы успели завести знакомство?

– Когда вы назначили меня начальником поста, я вознамерился завести себе надежного приятеля. Сегодня, когда маньчжуры всполошились, он сам подошел и сказал: «Любезный человек, в чем меня подозревают?» Вы полагаете, что я дал ему серебра? Все, что у меня было? Он рассказал про И Шаня всю подноготную.

– Дайте мне имя этого человека.

– Это мое частное знакомство.

– Алексей Николаевич, вас тут оставлять нельзя. Тут от вас будет больше вреда, чем пользы. Дракон на мелком месте смешон даже ракушкам. Я посылаю вас туда, где вы будете как рыба в воде. Туда, возможно, где вас ждут.

– Меня никто нигде не ждет. Но ваши намеки сродни страхам И Шаня. А князь И Шань не так прост, как, может быть, вам кажется. Это, уверяю вас, стреляный воробей. Он не зря приехал. У них есть вторая цель. И у них есть дипломаты, какие были в Китае всегда.

– А И Шань про вас говорит, что у вас есть еще одно лицо...

– Если такого бывшего дипломата послали подписать трактат, то это означает, что ему дано тайное поручение. Поэтому мне кажется, что они вас провели, а не вы их, как все убеждены.

– Какое поручение? Над ними беда! Яйца курицу не учат, Алексей Николаевич, И Шань мне еще не то говорил, но я сделал вид, что не понял. Я трактовать прибыл не с маньчжурами, а с Китаем...

«Экая дыра эта Усть-Зея! – подумал Сибирцев. – Да тут наплетут на меня и свои, и китайцы. На обоих берегах шпионы. Надо убраться отсюда подобру-поздорову».

Дул холодный ветер с востока, погода переменялась, и на Амуре стало как на море. Капитан-лейтенант Сибирцев прощается с генерал-губернатором, чтобы идти вниз по реке на шлюпке, на морском берегу пересечь на корабль и отправляться в Китай к русскому послу адмиралу Путятину, уполномоченному заключить договор с китайцами о границах и торговле, который уже заключил с ними Муравьев. Следовало как можно скорее известить Путятину об этом и передать адмиралу копию трактата.

Вокруг серые холодные волны, полная перемена ветров, температуры и пейзажа. При ударах ветра амурские волны вспениваются и становятся все желтей. Над головой тяжелое мрачное небо.

Матросы в клеенчатых куртках и зюйдвестках подняли парус. У руля на корме прапорщик Маслов, рядом с Сибирцевым. Шлюпка пошла правым галсом к китайскому берегу.

Первая волна обдала как на море, плавание началось. Шли в дожде и волнах мимо смоленого борта баржи.

– По До-ону гуля-ает... – слышалась наверху песня.

Эх, по Дону гуля-ет,
Эх, по Дону гуляет
Каза-ак молодой...

Донцы присланы учить здешних казаков джигитовке и всем казачьим ловкостям в конном и пешем строю.

А де-евица пла-аает,
А де-евица пла-аает,
Эх, де-евица плачет
Над быстрой рекой.

«Река жизни течет быстро», – подумал Сибирцев, и его затомила грусть от старой казачьей песни. Сквозь плеск волн она то набегала и слышалась сильнее, то слабела, повторяя и повторяя жалобы.

О чем, дева, плачешь,
О чем, дева, плачешь,
О чем, дева, пла-аает,
О чем слезы льешь?

Песня совсем ослабела, быстрая река заглушала ее.

Ах, как мне не пла-аать,
Ах, как мне не пла-аать,
Ах, как мне не пла-аать,
Как слезы не лить? —

донеслось с порывом ветра, и все потонуло в плеске волн.
Донцы проводили моряков в далекое плавание.

Глава 8. Низовья реки

Несмотря на непогоду, тягости плавания и ночлегов, матросы ободрены, они снова при своем деле. Нет больше бородатых переселенцев, пехотных солдат да еще каторжных, с которыми приходилось возиться, обучая их управлять баркасами, постановке самых простых парусов, как у дикарей или малайских пиратов.

Погода переменилась: прояснило и подул попутный ветер. Пошли быстро. Алексей позабывал свои страшные разговоры с Муравьевым. Похоже, что губернатор сорвал на нем досаду, отплатил за что-то. Не мог же в самом деле принять он за чистую монету бредни маньчжур, уверявших, что Сибирцев совсем не тот, за кого он себя выдает. Что его подменили в Англии, подобрав другого, похожего! Кому еще придет такая мысль от нечего делать? Но говорят, нет дыма без огня и нет ветра без волны. Не все забывалось Алексеем и не совсем. Есть уязвляющие причины, в которых далеко не один Муравьев повинен. Все же клевета всегда действует на государственного человека. Он поколебался. За его спиной стоит туча мундиров и кокард. Не говоря уже о III отделении, их дело особое. Все, кроме узкого круга приятелей и хороших знакомых, таких, как Венюков, пугались и сторонились Алексея, когда он начинал разговари-

вать откровенно. Особенно когда в его суждениях чувствовался самостоятельный взгляд. А Муравьев с оттенком злорадства передавал Алексею эти сплетни.

Иногда он вспоминал свои встречи с Пэгреймом и другими американскими офицерами в Японии, а также с сенатором Джонсоном и с банкиром Сайлесом Берроузом, как они уверяли Алексея, что в России ему ходу не дадут, советовали переходить в американский флот или поступать на корабль большой торговой фирмы. Были случаи, когда наших офицеров посылали служить во флоты других стран по их собственному желанию, для практики или обмена знаниями, а также из дружественного расположения к союзникам, с которыми хотя и нет особых трактатов, но есть взаимное влечение. В Штатах грозила вспыхнуть гражданская война за освобождение негров. Петербург, как того желал государь Александр, поддерживал Север Штатов против рабовладельцев Юга. Были отправления туда во флот на службу наших офицеров и матросов, и добровольцам разрешалось переходить на службу к североамериканцам.

Сейчас, при хорошей погоде, спускаясь по пустынной реке, Алексею казалось, что плывет он по не раз описанной американцами Миссисипи, так широк и роскошен был Амур и так плодородны равнины на его берегах. Буйно разрослись луга и леса. Широта реки, пышность и размеры ландшафтов, перемена их красок – все это необычайно для континентального глаза. А тем более для морского, который, кроме воды, ничего не видит.

Муравьев перед отъездом предупреждал, что чем ниже, тем шире и опасней становится река, но тем менее опасны на ней штормы для хорошей морской шлюпки, какую он отдал Сибирцеву. Кроме того, Амур разбивается на множество рукавов, которыми можно идти в любую погоду. Для этого в низовьях нужно иметь надежных проводников. Николай Николаевич сказал, что ниже устья впадающей в Амур горной речки Хунгари есть стойбище Бельго, из хороших глинобитных зимников, в котором живет старый его друг и знакомец гольд Удога. Он послужил русским экспедициям, как и его брат Чумбока. Оба верны нам и вооружены хорошим оружием. Муравьев просил зайти в Бельго, передать братьям подарки и полагал, что один из них пойдет на шлюпке проводником.

Пока что некоторую помощь оказывал восьмой участник экспедиции на шлюпке, унтер-офицер забайкальского казачьего войска, несколько раз в своей жизни проходивший Амур вверх и вниз. Поначалу матросы на него косились, как на мужлана, но понемногу привыкли слушаться. Он бывалый и умелый. Хотя, конечно, настоящего знания реки, как у гольдов, у него быть не могло. Казак служил верой и правдой. Он изловчился ловить рыбу сеткой из шлюпки на ходу. На ночь было что варить и жарить. Собака его всегда сыта рыбой, на привалах ловила сама.

На ночь разбивали палатку. Собака караулила. Сибирцев, Маслов, матросы и унтер-офицер, который, кстати, родом был из Кяхты и толмачил по-китайски, умещались в палатку и засыпали как убитые.

...Алексею что-то приснилось, он закричал во сне, звал на помощь, пугая рычанием самого себя, и долго не в силах был очнуться. Вскочил, вылез из палатки. Громадная река, вся в огнях, шла, отражая россыпь звездного неба, по которому тек поток звезд, похожий на огненную реку. Сырая, холодная ночь. Крик его никого не разбудил. Собака с удивлением посмотрела. А бывало, чуть она залает – все просыпаются сразу.

Горы велики, и луна светит, и река холодна, идет мерно, кажется, что в ней собрана не только вся вода Сибири, но и все ее могущество. Это сила Сибири движется к океану.

Сибирцев постоял, подышал и опять полез в жаркую духоту.

А молодой матрос лежит в мокрых сапогах. Матросы бывалые. Некоторые постарше Алексея. А вот новичок заснул, не сняв мокрые сапоги. Сибирцев встал на колени и стянул сапоги с мальчика, посадил их на палки над огнищем у костра, близ палатки. А на босые ноги бросил ему ворох травы из мешка, взятой в деревне у гольдов, чтобы, по их примеру, употребить вместо портянок. «Будет ли у меня свой сын?» – подумал он.

На рассвете палатка уложена в шлюпку. Якорь, весла, мачта, паруса, войлоки для подстилки, фуфайки и клеенчатые куртки в сундучках, ящики с продуктами, спирт и лекарства – все на местах.

После горячей ухи и вяленого мяса разместились. До фарватера прошли на веслах: полезно размяться.

Ветры чередовались. Не так-то быстро идем, как Муравьев уверял. Только при попутном – необычайно быстро. При низовом – лавировали.

Становилось суровой. На берегах и на островах всюду еще только цветет верба на безлистных желтых, черных и ярко-красных прутьях тальника. Мутная вода в реке, и кое-где под скалами видны льды на берегах.

Алексей и большинство матросов шли здесь впервые. На берегах еще есть дубовые и липовые рощи, но все больше хвойных зарослей, и видны пятна темных кедров, стоящих как тучи в хребтах.

Над лодкой летели караваны птиц. Раздавался выстрел. Собака, бросаясь с борта шлюпки, плыла и доставляла подстреленного гуся.

На далеком берегу, под горами, видна гольдская деревушка, берестяные амбарчики на сваях, глинобитные зимники с деревянными трубами. По всем признакам это стойбище Бельго. Ветер дул попутный, и до сумерек, казалось бы, еще долго можно идти быстрым течением; в Бельго заходить не с руки. Но решили приваливать. «Нужен отдых», – подумал Сибирцев. Хотя никто не роптал, но видно, что все выбивались из сил, Алексей по себе чувствовал. Желая подать пример и не засиживаться, он исполнял все работы в очередь с матросами и на привалах, и в шлюпке. Он изнурял себя. Гусей сегодня настрелял в свое удовольствие. Отдадим гольдам. У них ружей таких, как у нас, нет. Заряды жалеют, за порох здешние торговцы выматывают из них душу, как слышал Сибирцев. Бьют гольды гусей из луков стрелами или ловят какими-то своими туземными, попросту говоря, первобытными устройствами, как в каменном веке. Это мы по дороге уже видели.

Гольд Удога заметил русскую шлюпку задолго до того, как она пристала. Он вышел встречать, надев на себя военную фуражку и мундир. На груди у него медаль. Матросы обрадовались, словно встретили знакомого. Им, может быть, показалось, что близок морской берег. Все дисциплинированно молчали, но о настроении можно догадаться по просиявшим физиономиям.

Удога высок, с приятным смелым лицом. Он довольно хорошо говорил по-русски. Пригласил гостей к себе в дом, и когда снял форменную фуражку, то из-под нее вывалилась длинная коса, а половина головы оказалась выбрита. Тут разочарование появилось на лицах спутников Алексея. Явно перед ними был не настоящий моряк, что-то вроде ласкара или кули из английского полка милитери-сервис.

Удога в этот вечер, несмотря на косу, заслужил всеобщее доверие и расположение. Сначала на столе появились превосходные горячие пельмени из свежей осетрины и тала из мелко наструганного максуна, обильно осыпанная рубленным лесным луком, что и для Алексея, и для матросов было в диковинку и в отраду. Прислуживали за столом молодая жена Удоги и его дочь, прехорошенькая юная девушка в голубом шелковом халате. Появилась и другая знаменитость, тоже приятель Муравьева – гольд Чумбока, родной брат Удоги. У него медаль на рубашке; мундира на нем не было.

Чумбока нервно стал объяснять, что стойбище сейчас почти пустое – никого нет.

– Думаешь, все убежали, какая болезнь, – спросил он Сибирцева, – боишься? Нет, большой болезни нет... Где-то ходит, конечно... Сейчас не болезнь, а рыбалка. Все уехали на летний дом, на протока.

Братья ожидали, что в низовья, как и каждый год, пойдут русские суда, не уходили из зимнего дома и рыбачили и охотились поблизости. Удога отказался идти проводником. Зимой

он женился. Наездной русский поп крестил его невесту, и они венчались. Ясно, что Удога не мог оставить молодую жену. Брат его Чумбока тоже не соглашался идти на шлюпке, у него были какие-то свои намерения, он несколько раз спрашивал про Муравьева, может быть, хотел встретиться.

Чумбока производил впечатление большого пройдохи, он всех знал, всюду бывал, при маньчжурах убегал из родной деревни, жил на Охотском берегу, встречался с моряками со всего света, тут же признался, что гиляк, его приятель, держал его в рабстве и хотел продать.

Матросы соблюдали свою честь, они при исполнении важнейшего приказа генерал-губернатора, каждый показывает, как моряк умеет владеть собой. Никто из них не улыбнется, не скажет лишнего слова, если говорят, то по делу.

– Дай мне холодной воды, – подавая пустую морскую кружку, сказал прелестной дочери хозяина Маслов.

Девушка поняла, зачерпнула в глиняной китайской кадучке. Родниковая вода вскоре была не только перед Масловым, но и перед всеми. За сытной и жирной едой не выпить такой воды грех. А поначалу, зная морские обычаи, Удога всем поднес по чарке водки, как на корабле, когда хотят поощрить команду.

– А у тебя ром есть? – спросил Чумбока у Сибирцева.

– А ты хочешь рома?

– Нет! Чо, у меня, что ли, рома нет! – И опять Чумбока стал рассказывать, как он плавал по морю с гиляками, пил ром с американом, как были у японцев, Невельской пришел, признал его за разбойника, хотел повесить на рее. И что без рома в море к китайцам идти нельзя. У них водка вонючая. Пить не станешь.

Сибирцев сказал, что бывал в Китае.

– А если бывал, так че опять пошел? Че там хорошего? Че не видел? Ты бы под китайцем пожил, узнал бы, какой китаец.

Оба брата уже слышали, что Муравьев подписал с маньчжурами договор и Амур утвержден за Россией, и не удивились.

– Конесно, хорошо, – вымолвил Чумбока, как о деле, которое и не могло решиться по-другому. Это, по сути дела, решено еще в 1854 году. Кажется, тут озабочены были чем-то другим, смотрели в будущее, а принадлежность России полагали делом давно решенным.

В двух котлах нагрели воды. В очагах накалили камни. Около дома натянули парусину на жердях. Все выпарились и вымылись. К ужину Удога выставил жбан китайской водки. Его юная дочь приготовила похлебку из сохачьего мяса, а молодая жена на другом очаге нажарила огромную сковороду кабанины. На стол подали черемшу, рыбу, диких уток, жаренных на костре, появились лотки с кедровыми орехами и сласти.

Алексей отдыхал. Дочь хозяина, очень хорошенькая, с темными волосами, с белым лицом, все время что-нибудь подавала на стол, старалась услужить и поэтому обращала на себя внимание. Показалась Алексею не хуже светских девиц, но не по годам задумчивой, грустной. Если с ней пытались заговорить, она слабо улыбалась и отходила в сторону. С женой Удоги, кажется, была дружна, вдвоем у очага они походили на сестер или подружек. Матросы пытались перемолвиться, но она уклонялась.

– У Анги большая сила, – сказал Чумбока, обращаясь к Сибирцеву и показывая на дочь Удоги. – Проси, чтобы помогла, и благополучно дойдешь. Она маленько в бубен бьет – тебе будет все хорошо. Лечить умеет. У-у!

– Что значит в бубен бьет?

– Шаман, – ответил Чумбока. – Молоденькая девка, а шаман! Че, еще такой девка не видал?

Чумбока сказал, что пошел бы проводить, но нужно охранять дом и стойбище, маньчжуры грозятся мстить, дорогу сюда знают, могут прийти на прощание из верховьев, напасть и ограбить.

Удога долго объяснял, где и как надо плыть, чтобы быстрее добраться до перешейка, отделявшего заливное озеро Кизи от морской бухты Де-Кастри. Он вычертил для Сибирцева длинную карту.

На ночь оба офицера и пять нижних чинов легли вповалку на горячий кан – глиняную лежанку во всю длину стены, под которой шел дымоход. Семь лохматых русских голов виднелись из-под края огромного мехового одеяла. Казак, покуривая и поджав под себя ноги, долго еще сидел и разговаривал с Удогой. Потом и он разделся и разулся и залез под то же одеяло. Удога с семьей улегся на другой лежанке.

...Юная Анга лежала и думала про приезжих. Она много слыхала рассказов от отца и от Чумбоки про русских моряков. Это были новые люди. Они серьезные, спокойные, разговаривают тихо, не кричат. Казаков Анга видела много раз, а столько моряков впервые.

Анга приподнялась и подошла к очагу. Теперь все они, с русыми головами, крепко спят у них под одеялом, восемь русских голов в ряд из-под края нового семейного одеяла выставились. Как интересно отец про них рассказывал...

Утром Удога пошел на шлюпке с Сибирцевым. В этот день сделали самый большой переход. Заночевали в деревне, где Удоге все приходилось родней. Здесь похолоднее, тепло весны еще не дошло, и население еще не уходило на летнюю рыбалку. Здесь опять путников хорошо встретили и угощали.

Удога выбрал в проводники молодого парня, мало знавшего по-русски, но сказал, поймете, будете слушаться, и доведет до следующей деревни, где будут стоянка и ночлег, и там опять сменят проводника, дадут нового. Сам Удога должен возвращаться домой. По его словам, там могли появиться торгующие китайцы, от которых всегда много пользы и хороших товаров, но они часто напиваются, безобразничают. Раньше их маньчжуры сюда не пускали. Теперь они осмелели и стали опасны; смелей торгуют, иногда насильничают и обманывают.

– Не знаю, зачем Муравьев разрешил им здесь жить. Надо было их отсюда гнать.

– А почему у тебя дочь такая печальная? – спросил Сибирцев, прощаясь с Удогой.

Высокий косатый гольд вздохнул и покачал головой:

– Мне с девкой беда, замуж не идет.

– Почему?

– Сам не знаю. А маленькие ребятишки ей нравятся. – Гольд поскреб затылок под косой. – Она, понимаешь, болела и потом стала шаманкой. Может видеть то, что никто не видит. Может черта гонять, больной выздоровеет.

«Странно, – подумал Сибирцев, – такая хорошенькая, ей бы жить да жить, ведь шаманка – это знахарка, колдунья...»

Через несколько дней, войдя через протоку на шлюпке в заливное озеро Кизи, Сибирцев и матросы получили на военном посту лошадей и седла и через перешеек переправились к морскому берегу.

Шумела, и рушилась, и раскатывалась по огромному простору в галечниках и в песках высокая зеленая волна. Рассеивала свежие брызги. Пахнуло просторами моря, свежестью, водорослями. Весь берег в морской капусте, в раковинах, в морских звездах, в разных чудесах. В этот ясный день, в солнце, звон воды кажется праздничным, как колокольный.

На борту нового железного корвета у трапа встречал капитан. Темные бакенбарды провисают со щек пышными кочьями. Сильное лицо, свежее и молодое. Дорогой мой! Спаситель мой! Старый спутник и товарищ по скитаниям и по плену в Гонконге Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, спаситель Сибирцева. Стоял на коленях в лазарете на английском корабле над умирающим от холеры Алексеем и выходил его. А потом, в Петербурге, за городом, в

деревянном особняке при заводе, рассказывал про него отцу и матери, отдыхая в глубоком кресле. Говорил много утешительного, слушали его родители со вниманием, был он скромен; про Алексея, оставшегося в Лондоне, чересчур не распространялся. Каждое слово его, как рассказывали потом, ловил присутствовавший там же Васенька Керженцев, родной брат Веры и Наташи, влюбленный в Алексея, как и его сестра. Как радостно им было видеть Пушкина! И как больно теперь вспоминать Алексею.

Да, это он, Александр Сергеевич, с его усами, переходящими в бакенбарды, и с повелительным взглядом!

– Здорово, кума!

– На базаре была! – встречаясь, кричали и обнимались матросы.

– Маслов! Ваше благородие. Ты произведен? Офицер?

Все горды, из рядовых, свой брат. Стал сначала унтером, а теперь офицером.

– Запевай, братцы, поздравительную!

– Собакин! А ты откуда взялся? Ты же ушел на «Америке»?

– А Сизов тоже произведен Евфимием Васильевичем. Только его тут нет.

– Кто бы мог предполагать, что курьером, которого мне велено было ожидать, окажется товарищ мой, Алексей Николаевич Сибирцев! Как я рад! – говорил Пушкин в миниатюрном салоне при капитанской каюте. – Алеша... Лешка, Лешка.

Долго Сибирцев находился под начальством Пушкина, а теперь Александр Сергеевич со своим кораблем поступал в его распоряжение.

– Куда, когда?

– Завтра же. В Китай, к графу Путятину. В жаркие края, в теплые моря, туда, Александр Сергеевич, где нефритовая башня весны. Но давайте сначала зайдем в Императорскую гавань. Я придумал, снизойдите. Я намерен сделать спекуляцию. Без взяток с иностранцами дела не сладишь. А чем военный моряк может потрафить? В заливе Хади еще толстые льды должны быть. Мы напилем и возьмем с собой для тайных коммерческих целей. Согласны?

– Куда ни шло! – Пушкин, зная жизнь в колониях, сразу постиг намерение Алексея и оценил его сметку. С кем поведешься, от того и наберешься.

– Можно ли взять полный трюм льда? В Императорской гавани...

– По моим предположениям, там бухта Паллады забита льдами. Опять афера. Вы – авантюрист. Янки! Как и следует ученику Сайлеса Берроуза, – снисходительно покачав большой головой, добавил Пушкин. – Опять хотите в британскую тюрьму...

– Наоборот.

– Я готов поверить, что вас не зря в колонии посадили под арест за спекуляцию оружием в Кантоне. Вы молодой, да ранний. У вас есть склонность к бизнесу. – Он уж не стал поминать приключения Сибирцева в Африке и в Лондоне, о которых сам толком ничего не знал.

– Чем же плохо? На этот раз спекуляция льдом. Поддержим свою репутацию перед сынами Альбиона. Я рискую честью мундира. Берем для себя, чтобы команде облегчить тропическую жару.

– Так завтра! – воскликнул Александр Сергеевич Мусин-Пушкин. – Тогда начнем сейчас же! – Он приказал вызвать офицеров и механиков. – А чуть свет подыдем паруса. Моря хоженые. У меня все наготове. Ваших матросов я освобожу на сутки от вахты. Уголь мы сами наломали у своих берегов и сотни долларов не платили американцам. Деньги я сберег! Мы с вами богачи! Но как я удивился, дорогой мой Алексей Николаевич, вы вернули мне в команду Маслова и всех старых моих сослуживцев и верных соратников. Я встретил их как родных братьев. У меня двое умерли, а троих я списал больных на берег. Люди мне нужны.

– Поздравляю, Александр Иванович! – встречая Маслова, сказал капитан. – Вашу руку! Новоиспеченного прапорщика корпуса штурманов!

«Александр Иванович!» Впервые за всю жизнь, за все годы службы и плавания капитан так почтительно пожал руку. А называл Маслова по имени-отчеству прежде не раз.

– Садитесь, мой дорогой, вы теперь офицер, ваше место в кают-компании.

Маслов и прежде сживал в салонах, когда бывал нужен, и у капитанов, и у адмиралов, командующих эскадрами, но своего места в кают-компании у него не бывало.

– А ведь говорят, Александр Сергеевич, что курица не птица, – отвечал он, – прапорщик не офицер, а его жена не барыня. Я так и сказал своей, когда прощались.

– Пойдете со мной. Дослужитесь. Вот бывший наш матрос, ваш товарищ Петр Сизов, дважды произведен; теперь – в штурманские поручики. Он в Китае с Путятиным на «Америке». Сизов годы учился, сдал экзамены в Николаевске. Адмирал Казакевич был очень доволен им и произвел. Сизов в прошлом году не дождался документов, ушел с Путятиным. Адмирал позволил ему носить мундир. Я возьму в порту его бумаги, и вместе поздравим, бог даст. Дай-то боже!

– А как Собакин? Был капитан джонки? Дошел от Шанхая в Де-Кастри? – спросил Маслов.

– Спросите его самого. По окончании войны мичмана Михайлова и всех оставшихся в Гонконге матросов англичане доставили сюда, в Де-Кастри. Он служил тут. Потом с Евфимием Васильевичем был в Макао и оттуда весной пришел на китайской шаланде с письмом для адмирала Казакевича.

– Слава богу, – сказал Сибирцев. – А я часто вспоминал его, думал, где он. Опасался, зная, что матросы всюду мрут от простуды и, не дай бог, Собакин погибнет.

– Жив, и обе собаки с ним. Любимцы экипажа.

Вызвали Собакина. Алексей обнялся с ним и, вспомнив плен, избиение Собакина англичанами из-за собак, чуть не заплакал.

– И собаки твои – любимцы экипажа?

– Pets¹⁰, – отвечал Собакин с видом джентльмена.

– Как ты дошел?

– Путятин купил джонку. Что же не дойти? И вы бы дошли. Вы ему не поддавайтесь, а то он на джонке пошлет вас в Новую Зеландию или в Аляску. Дали мне хронометр, секстан, компас. Я не спешил, знал, что тут льды. А матросы говорят: «Собакин открыл Америку».

– Да, действительно, он обсервации делал, – подтвердил капитан. – У меня есть его карта.

– Путятин адмирал китайского флота, у него пароходов нет, джонок накупил и рассылает их.

– И ты командовал?

– А че не дойти? Какая разница, корвет или джонка? Мы паруса переменили и поставили на той же мачте по-своему. Ветер так же дует. Я видел в Лондоне джонку, поставили в Темзе и показывают за большие деньги.

– А кто на пароходе делал вычисления?

– Сами. Мастер астрономии сам себе как китолов. Смеются, мол, командир над лодкой. Разве это лодка, это корабль. И половина команды была китайцы. Евфимий Васильевич говорил, что у персов флот еще хуже, чем джонки, а он плавал с ними и крест за освобождение Греции получил от короля. Джеки рассказывали в Макао, что такой же крест, как у Евфимия Васильевича, получил отец английского посла в Китае Элгин. Они прониклись, как увидели на шее у Евфимия Васильевича. Я плен помню, и как изгалялись в Гонконге, голодом морили, и как они били меня за собак. Но пока политес соблюдаем чин чинарем.

---

¹⁰ Pets – любимцы (о животных, англ.).

Итак, на железном корвете в южные моря. Алексей поместился в одной каюте с Масло-вым. Капитанская мала, Пушкин хотел взять к себе, предложил чувствовать себя в капитанском салоне как дома во всех отношениях, но Алексей отказался.

Кают-компания оказалась довольно просторной, есть небольшая библиотека и форте-пьяно, приятное общество собралось к ужину. Офицеры, инженеры, механик, доктор, молод, новичок в этих морях, в войну делал операции вместе с Пироговым в госпиталях в Крыму.

Ночью подняли пары. На рассвете, при безветрии, вышли из бухты в открытое море.

Глава 9. Православный посланец китайского богдыхана

Ранним утром двадцать второго апреля из восточных ворот Пекина выехала вереница из десяти повозок, запряженных мулами, и покатила по запаханной равнине на юго-восток тряской, вымощенной камнем дорогой к морю, на Тяньцзинь, «в места, которые доселе были бдительно и ревниво охраняемы от взоров иностранцев», как записал в своем дневнике архимандрит Палладий Кафаров, возглавлявший эту экспедицию.

Глава русской духовной миссии в Пекине отправился к русскому послу адмиралу Путя-тину, стоявшему на пароходе «Америка» в заливе Печили, неподалеку от Тяньцзиня, и не допускаемому в Пекин китайскими властями. Еще месяц тому назад архимандрит Палладий и мечтать не смел о чем-либо подобном, живя размеренной жизнью ученого и пастыря небольшо-й общины православных китайцев и принятого в столице Поднебесной империи.

Многолюдные сборища сановников за последнее время почти ежедневно, кроме праздни-ков, происходят во дворце у императора Китая, богдыхана, как называют его русские. Обычно начинаются с семи часов утра и длятся до обеда. Судя по этому, молодой богдыхан не так слаб, как толкуют о нем злые языки, и далеко не отстранился от дел. Случалось, что и Кафарова, в свой черед, как доверенного, вызывали в Цзун Ли Ямынь, учреждение, соответствующее европейскому министерству по сношениям с иностранными государствами. И даже требовали его ко двору, без права входа в совещательную залу Сына Неба. Оттуда через вход, похожий на ворота, к нему, ожидавшему в почетном помещении, приходили сановники и говорили по делам.

26 марта этого, 1858 года, Кафарову было прислано письменное приглашение прибыть на следующее утро в маньчжурское отделение Верховного Совета, на этот раз не к Запретному городу, а в загородный Западный Летний дворец Юань Минь Юань под Пекином, куда двор переехал с первыми теплыми днями еще в феврале и куда временно перенесены учреждения Верховного Совета с маньчжурскими и китайскими отделениями. В эту пору издревле богды-ханы выезжали на природу, к горам, где бьют родники целебной воды. А воды недостаточно в Пекине. Город основан кочевниками не у большой реки, а поближе к горам, подальше от гео-графического центра империи, чтобы не была столица окружена территориями, сплошь насе-ленными природными китайцами, которых завоеватели побаивались. Если в Японии всюду чистейшие горные ключи и реки и вода доступны каждому, а японцы любят мыться, пить воду могут бесплатно и досыта и без разрешения правительства, то в Китае воды немного. Весенней и летней порой двор и правительство наслаждаются водой знаменитых источников и чистым ветром с близких Пекину диких северных гор. Польза природы и всего природного для здоро-вья известна китайской медицине с древнейших времен, и уже тысячи лет в Китае происходят сборища в защиту всего естественного, созданного природой, и есть даже религия, пропове-дующая близость человека природе. И у Кафарова есть друг — монах-даос, живущий в горах, в лесу, с которым он во всем находит общий язык.

Приглашение в Юань Минь Юань прибыть к раннему часу, когда и проходят совещания у Сына Неба. В маньчжурское отделение, которое, кажется, вблизи совещательной залы.

К вечеру Кафаров прибыл в окрестности Летнего дворца и остановился ночевать в деревенской гостинице, где бывалый и толковый хозяин, не скрывая досады на чиновников, поговорил с ним весьма откровенно. В Юань Минь Юане, по его словам, царит суматоха. По дорогам скачут со всей страны курьеры с желтыми повязками на рукавах, означающими государственные поручения. Мчат недобрые вести с войны, со всех концов про беды империи. На юге война с мятежниками. В городах все недовольны, всюду восстания, в государстве смятение, на дорогах разбойники нападают на проезжих, грабят в деревнях крестьян и торговцев. Чиновники ленятся и бесчинствуют, сами вымогают и казнят невинных. Преступникам рубят головы, но их все больше. Нарушен порядок жизни, нужный для торговли, хозяйства, земледелия.

Утром отец Палладий подъехал ко времени в своей коляске к внешней стене Юань Минь Юаня, которая тянется очень далеко, охватывая огромную площадь с парками, прудами, разными сооружениями и дворцовыми ансамблями. У ворот ждал его свой человек, маньчжур Суч-жанча, служивший наблюдателем от правительства в должности пристава при русской духовной миссии. Он вручил Кафарову деревянную мерку-пропуск для входа во дворец.

Сердце замирает, когда выходишь в Юань Минь Юань, в это священное обиталище Сына Неба, в это чудо из чудес не только парковой и дворцовой архитектуры, но и всех искусств. Закончен Юань Минь Юань лет полтора тому назад, в пору расцвета просвещения и военного могущества Поднебесной империи.

При втором императоре маньчжурской династии, Кхан-си, империя вступила в новые торговые отношения с разными странами, в обществе проявился интерес к Европе и ее культуре. Европейцы получали все более широкий доступ в Китай. Китай вел войны, обретая новые владения и расширяя свои и без того великие просторы. Земледелие улучшалось, каналы поддерживались в исправности. Всюду, как встарь, возводились плотины, защищавшие плодородные земли, кормящие великий народ, от буйных сил воды.

Даже теперь, в эпоху падения династии и ослабления Китая, многолюдье его населения, крепость нравственных устоев и расстояния великой империи еще спасали Пекин от надвигавшихся бед.

А в эру Кхан-си, по советам и указаниям иезуитов инженеров Жербилона и Прейры, сведущих в артиллерии и фортификации, храбрые маньчжуры одолели русских на Амуре, подвергнув главный их город Албазин правильной осаде, одновременно снося и выжигая все русские городки, заселения и заимки по Амуру, по малым и большим рекам Приамурья и на Сунгари. В Забайкалье, в русском городе Нерчинске, куда маньчжуры подвели большое войско, был заключен мир. Албазин был срыт с лица земли.

А пленных русских албазинцев увели в Пекин. Кхан-си повелел, чтобы им была сохранена вера, а для отправления обрядов священнику, не покинувшему в битвах и беде своей паствы, была предоставлена кумирня, превращенная в православную церковь. Маньчжуры не глумились над храбрыми пленниками, не изнуляли их и не казнили. Их зачислили в Императорскую гвардию в Восьмизнаменное войско, в Желтое, самое почетное Знамя. Они переженились на хрупких, отличающихся миловидностью китаянках и маньчжурках, а священник крестил их жен и детей. Могущественное государство не усматривало в том опасности.

В те времена у русской церкви в Китае существовал грозный соперник в лице католических проповедников, приносивших в Китай свою веру, обычаи, европейскую науку и навыки западного цивилизованного мира.

В шести милях от Пекина, вблизи известного с древних времен священного и оберегаемого источника чистейшей воды, где и при прежних династиях были устроены павильоны для летнего отдыха, Кхан-си на широкую ногу, как он делал все, задумал великолепный Летний дворец с парковыми ансамблями.

Там, где северо-западный ветер всегда чист и ароматен и напоминает вольные просторы земли предков, преемник Кхан-си, император Чен Лун, «поэт с широтой мысли и романти-

ческим воображением, обладавший жестоким могуществом суверена», чей вкус признавали художники, восхищенный полученными из рук своих советников и иезуитов планами и рисунками Версаля, изучил их. Возводимым зданиям и ансамблям Летнего дворца он придал черты французской архитектуры, не отступаясь от твердости и величия китайских понятий, гармонически сочетал искусство далеких друг другу рас. Он все достроил, украсил и объединил в великолепном единстве. Юань Минь Юань – это китайский Версаль, его творец, мечтая о Франции как о земле учителей искусства, и не предполагал, что когда-нибудь сыны Парижа, опьяненные китайской кровью, ворвутся сюда как грабители и поджигатели.

Вот и пруд. Неньюфора¹¹ еще не зацвела. Через пруд перекинут горбатый мостик Аллеи наподобие версальских, но между деревьями кое-где нефритовые и фарфоровые башенки, гранитные арки, на искусственных холмиках среди аллей ступени подъемов и спусков, похожие на мосты, цветы на тучных грядках на почве и на воде и опять пруды и прудики с розовыми в летнюю пору неньюфора.

«Ом ма ни бед хэ хом» – «Родившийся на Лотосе» – вспоминается молитвенная фраза буддистов.

Вдали высокая красная стена и над ней золотая крыша. Вблизи мраморные колонны и мраморный фронто́н с резными драконами над входом. Мраморный лев с лапой на шаре и мраморная львица, держащая лапу на львенке, который лежит перед матерью на спине. Царит дух древних заветов плодородия.

В опрятном рыцарском помещении Маньчжурского отделения Кафаров, разложив на столе словари, исполняя долг, переводил иностранные бумаги. Их унесли. За красной стеной императорского зала, в святая святых дворца, сейчас богдыхан слушает чтение переводов отца Палладия.

Кафарову тем временем предложен обед. Он поблагодарил и отказался. Мандарины обступили его и занимали расспросами. Судя по этому, его еще не намеревались отпустить.

Сановный мандарин вышел из зала совещаний, передал Кафарову благодарность премьер-министра Юй Чена и сказал, что письма Путятин не останутся без ответа. Путятин настоятельно просит, чтобы Кафаров к нему прибыл. Просьба Путятин будет обдумана. Как и другие его просьбы.

Остались наедине.

– А могли бы вы запомнить слова Сына Неба с той же совершенной точностью, как их запоминают наши чиновные высшие сановники? – спросил любезно мандарин.

Имелось в виду запомнить, не записывая. Можно записать, но позже, дома.

Кафаров весь внимание. В Пекине он девятый год и пользуется доверием, не смеет не считать Сына Неба и своим повелителем.

Надо ждать высочайшего повеления. Путятин досаждал богдыхану, бомбардируя его правительством письмами с настоянием допустить в Пекин, с посулами и советами, намекая на готовность посредничества. Так пусть он докажет на море, не выезжая в Пекин, свою дружбу, а тогда откроются пути. Так мог понять суть дела Палладий.

Ответы послу повезет Кафаров. Формально, в глазах народа, он поедет, чтобы доставить Путятину почту из России, а от него получить мешки с серебром для духовного нашего посольства в Пекине, которое давно сидит без гроша, истратилось и истощилось от безденежья.

Но есть поручение, ради которого Кафарову будет открыта дорога через исстари окутанную тайнами пристольничную провинцию Чжили на Тяньцзинь и дальше к морю. Это поручение дает ему Юй Чен через посредничество пристава миссии маньчжура Сучжанча, который и отправится сопровождающим. Два важнейших поручения Сына Неба к Путятину. О них будет писано. Следует ждать, все объяснится.

---

¹¹ Неньюфора – вид лотоса.

...А мулы весело бежали к югу. С тряской дороги спустились на дно высохшего канала, а потом опять поднялись. Земля парила. Пекинские горы исчезли в весенней мгле. Вокруг расстилалась бескрайняя равнина, сплошь запаханная и возделанная, в грядках под пшеницу и гаолян, в садах и деревнях, которые заметны издали по рощам деревьев. Людей множество, все вышли на поля в ожидании вождя, они всюду, как муравьи...

Навстречу попадают верховые с желтыми повязками и с сумками казенных бумаг.

Переночевали в городке Тунчжоу в гостинице. Стены комнат были исписаны, как и у нас на российских подворьях и станциях, стихами и заметками путников, выражающих то грусть по оставленной столице, то жалобы на тоску по любимым, с которыми слезно расставались. Насмешками над грязью выражали скуку в ожидании погоды для плавания по реке. У ворот гостиницы на ночь была сооружена баррикада из мебели, зажжены свечи в фонарях и всю ночь орала сторожа, лупили палками в доски и не давали спать.

Утром за полями среди серых глинистых берегов стало видно мутную речку, исчерченную отмелями. Несколько лодок идут под парусами. Десяток бурлаков, накиннув на левые плечи по короткому коромыслу, тянут вверх по течению сампунку с пассажирами в мандаринских шапках, которые сидят на корме, покуривая трубки.

– Неудивительно, – признался Сучжанча усмехаясь, – расстояние от Тяньцзиня проходят они за пятнадцать дней...

Это река Байхэ. По ней грузы на север Тяньцзиня идут в Пекин. А в Тяньцзине окончание Великого Канала при его соединении с рекой Хай Хэ. Там великий перевал, перегруз.

Завиделись удлиненные дуги береговых плотин. Это защита от наводнений, которые тут часты. Проезжая дорога отошла в сторону, самой реки не видно, но течение ее можно угадать по множеству парусов, которые кажутся идущими посуху извилистым рядом.

Опять проскакал курьер с желтыми перевязями сумки, в которой возят депеши. Ясно, что в Пекин с морского берега. Уловил Кафаров презрительные взгляды крестьян вслед всаднику. После полудня доехали до местечка Ян Цун. Это крайний предел, куда доходят морские приливы. Повеяло морем, илом, морской грязью. До моря еще далеко, еще надо проехать в Тяньцзинь, а оттуда дорога пойдет слегка возвышенным берегом реки. А до Тяньцзиня ехать среди болот и посуху и рисовыми полями, через деревни, меж садов и пашен. В отдалении искривленные линии морских лодок на реке, там как сплошное шествие в белых одеждах. Сучжанча велит погонять, поскорее проезжать через селения, чтобы поменьше жители смотрели на необычайного путника; народу не следует прознать про путешествие иностранца к морю.

С большой тревогой, но и с охотой ехал отец Палладий на встречу с соотечественниками. На корабле у Путятин служил переводчиком старый приятель и сослуживец по Пекинской миссии архимандрит Аввакум. Там же и другой знаток китайского языка доктор Алексей Александрович Татаринов. Много новостей придется услышать и от адмирала, и от друзей. Какими соображениями руководствуется Путятин, явившись сюда? Все ли им обдуманно как следует? Не упускает ли сам Палладий каких-то важных соображений, обусловленных высшей политикой? Не много ли берет на себя, намереваясь давать советы Путятину? Каков собой Путятин? Как он все воспримет? Очевидно, что пришло время Китаю открываться и принимать у себя в столице посольства других государств. В том числе и наших дипломатов. Православная духовная миссия за двести лет существования свое дело сделала, и узы, связывающие Россию с Китаем, ее заботами были все эти годы крепки.

Была и своя беда у Кафарова. Временами сильно болели ноги. Застужены смолоду; семинаристам жилось нелегко. В Пекинской миссии годы проходят в низких каменных домах. Лекари не помогают. Бога молить грешно об исцелении. Не поминай имени господа бога твоего всеу. Хотелось бы пожить в сухом бревенчатом доме.

В дороге Кафарову хочется слезть, пройти пешком, Сучжанча все велит кучерам погоныть, надо спешить, раз император позволил такую поездку. Сучжанча старается показать, что не надо позволять иностранцу присматриваться, есть опасения, ненароком увидит что-либо среди возделываемой в эту пору плодородной равнины, что потом пойдет на вред Китаю, окажется как обнаруживание секрета, и Сучжанча может за это поплатиться. Особенно торопит он проезжать мимо запасных рисовых складов, которые здесь построены издревле.

Ноги пока не болят, сказываются новые впечатления. А больные ноги вызовут болезнь сердца, что, видимо, излечить невозможно, чем и бывает озабочен Палладий.

А весенняя равнина вокруг становится все прекрасней; при всей своей бедности крестьяне превратили ее в сплошной обработанный покров земли от горизонта до горизонта, со множеством каналов для орошения. При таком богатстве труда и природы сами деревеньки бедны. Часто попадаются кладбища, обсаженные деревьями. На полях кое-где уже видны ранние всходы. Дул теплый ветер, и заходили тучи, обещая поливку посевов и награды за труды и счастье этому народу, на который даже смотреть запрещено.

Может ли мнение богдыхана произвести сильное действие на Путятину? Ведь в чем суть? Богдыхан дает понять Путятину, что ему нечего и незачем ломиться в Пекин, что договор будет заключен на Амуре, а не с Путятиным. По сути, и Петербург, и богдыхан желают одного и того же.

И еще китайское правительство просит взять на себя посредничество в улаживании спора с западными державами. От Кафарова ждали, что он убедит Путятину, который дружит, как узнали в Пекине, с дипломатами Англии и Франции.

24 апреля за равниной завиделось множество деревянных крыш, некоторые ярко окрашены. Видны сады, богатые кумирни, стены и башни, рощи среди города, давно, видно, вышедшего за крепостные пределы. Открылась величественная река Хай Хэ, со множеством джонок, пришедших по каналу, а также военных с рисунками на бортах и с пушками на палубах. Вон и сам Великий Канал, мельком на другом берегу видели узкое его устье, стрелку, где Канал соединяется с Хай Хэ, и там много торговых судов, можно пройти по их палубам через реку. Всюду перевозчики на лодках, и есть, говорят, мост... В городе каждый дом торгует, торгуют все предместья, базары всюду, товаров множество, тут и овощи, капуста горами, мясо, баранина, магазины шелков, хлопчатых материй, чего тут только нет, одних хлопушек можно на многие тысячи долларов продавать в Европе и Америке для праздничных карнавалов, для детей на елку. Пойдут нарасхват.

Кафаров, желая призадержаться в Тяньцзине, сказал, что ему придется разменять серебро в слитках на монету; перечить ему в делах Сучжанча не смел. Пусть попробует тяньцзиньские пирожки и поглядит на магазины, в которых выставлены изделия лучших в мире тяньцзиньских ремесленников... И ножи, и фарфор, и душистое дерево, скобяной товар... масла... Сбежался народ, всем хотелось посмотреть на иностранца. Кафарову кивали головой, показывая, что желают угостить, завести с ним разговор. Один из чиновников, одетый в кафтан красного цвета, залез на лошадь и обратился к толпе с речью, убеждал, что не следует проявлять внимание к иностранцу. Ему помогал кучер повозки Кафарова. Забравшись на мула, он также пояснил в свою очередь, что вся вселенная находится под властью и покровительством Хуанди, как называл он богдыхана, и что все самое лучшее находится в Китае, и что нигде на свете, кроме как у нас, нет ничего хорошего, нигде нет людей, заслуживающих внимания и любопытства, у которых можно было бы чему-то поучиться. Но толпа продолжала расти. «По-человечески говорит!» – восхищались тяньцзиньцы, слыша китайскую речь Кафарова. Серебро разменяли. Не устояли перед соблазном. Поели известные на весь Китай тяньцзиньские пирожки. В ресторане под названием «Только собака не оценит вкуса тяньцзиньских пирожков» Сучжанча дал волю аппетиту, как голодный волк.

Деньги теперь были. Сучжанча велел гнать мулов; поспешно выехали из города. В Тяньцзине задерживаться нельзя. Да, не велено иностранцу. А ехать еще порядочно.

Река Хай Хэ шла прямо к морю. Дорога к устью, теперь уже к фортам крепости Даго, защищающей вход в реку и путь по ней сюда, к огромному торговому городу, где стык Хай Хэ с Каналом и пути начинаются на север, на Пекин, водой и сушей.

Великий Канал прорыт через весь Китай с юга на север, соединяет его реки, издревле избавляя великое торговое движение Китая от капризов моря. Великий Канал кончается в Тяньцзине. Не зря Тяньцзинь называют воротами Пекина. Любо было бы англичанам занять Тяньцзинь, взять в свои руки все вожжи управления движением товаров и снабжением столицы. Но китайцы утверждают, что европейские корабли никогда не войдут в Хай Хэ, она мелка, годна только для китайских судов. Форты Даго на устье Хай Хэ прикрывают также подступы с моря к сухопутным дорогам на Тяньцзинь и в глубь материка.

Ехали берегом. Видно, что китайцы холят реку, всюду отводные каналы, плотины. Ключи, впадающие в Хай Хэ, обсажены деревьями. По дороге обгоняли бредущие к морю войска из наемных китайцев, вооруженных копьями. Навстречу попался конный разъезд Пекинской гвардии. Тут среди конников могут быть и верующие из православной общины, потомки лихих албазинцев, приведенных с Амура.

Вот так он едет, отец Палладий, по запретной для иностранцев столичной провинции, которая готовится к войне. Даже при гостинице в Туньчжоу сооружена была в ночь ночлега Кафарова баррикада из стульев, на всякий случай, видно, не столько чтобы не вздумалось кому напасть на гостя, а скорей – чтобы показать, как стараются власти отгородить население от иностранца. Сколько подозрений пришлось снести за эти три дня Кафарову! Подозрения эти притворны. Сам же Сучжанча сеет их и старается пробудить страх и недоверие, хотя он-то знает прекрасно, что сам великий Хуанди послал сюда Кафарова и облек доверием. Но и это тайна! А страх надо поддерживать в народе, при этом выпятить себя. Отсюда и бой в доски по ночам, и баррикады из стульев у ворот гостиницы, и охрана с палками, орущая ночами.

Зачем бы такие смехотворные воинственные приготовления? Против кого? Ну, а как дойдут в эти места, как в глубины Африки, английские и французские, а за ними и американские, как в Мексику, десанты? Чем их тут встретят? Баррикадами из мебели и ящиков? Вот поэтому и смотрят крестьяне с таким презрением на проезжающих мимо чиновников, разворовывающих цареву казну. Цену им знают, не верят им и добра не ждут.

А ведь Кафаров едет не только по делам духовной миссии и посольства России. Тем неприятней слежка и показная подозрительность. Этого не ждал Палладий, когда отправлялся по делу Хуанди с поручениями богдыхана, всеми боготворимого! С самой бесстыдной наглостью присматриваются к Палладию чиновники. А ведь, если подумать, он – посол Пекина. А все, кто в службе, из кожи вон лезут, чтобы показать свое старание, как хотят они прозреть в нем лазутчика, соглядатая, шпиона. Желают везде и всюду возбудить в народе презрение и пренебрежение ко всему иностранному, чего сами не видели никогда. Не так ли фальшив всякий патриотизм, за который чиновникам платят по службе?!

А сам государь пытается договориться с иностранцами. А здесь сеют к ним вражду и ненависть. Как это одно с другим сходится? Пойдет ли так дело с западными державами? Нет, видно, и у нас тут еще не будет толку. Вряд ли и у англичан что-нибудь получилось бы. Они люди дела, торговли; все испробовав и рассчитав, войны не побоятся, без войны им тут, кажется, не обойтись.

Мысли повторялись. Обида, конечно, со временем забудется.

Долго катили по прибрежной равнине, которая по сторонам дороги местами, как заметно, затопляется в приливы или в накат волны. Вон и море видно. И ветер пахнет морскими водорослями.

И видны в море корабли с дымящими трубами, как будто плавающие европейские фабрики подошли к Печилийским берегам. Всюду по морю флот, даже по горизонту стоят корабли. Чем дальше, тем кажутся еще таинственней и грозней.

Почувствовал Кафаров, какой тут простор и воля и в какой темнице приходилось ему сидеть годами за стенами столицы, где и ум как в клетке, что не только был он ограничен в движении, но мыслями стиснут; приходилось, себя не жалея, погружаться в научные занятия, не давать себе роздыху, губить изнурением мыслей, находя утеху лишь с такими же занятыми людьми, так же стиснутыми законами и стенами.

А ведь как-то забылись тут сразу все недуги, уж и ноги совсем не болят. Вид моря излечивает лучше, чем теплые воды при уединенной кумирне в горах, у первозданного родника, где живет преданный друг и приятель Палладия, монах-даос.

Видно, суждено Палладию быть заточенным на годы. Если не наука, руки бы на себя наложил.

Не так ли чувствуют себя наши дипломаты во множестве стран, куда стремимся мы ради величия и престижа и живем, окруженные фанатичными народами, губя себя, людей своих и не извлекая торговых выгод. И Путятину на корабле, видно, нелегко. А Путятин еще хочет вложить средства России в Китай, учить чему-то китайцев и начать тут проповеди, дорогостоящую утеху... При этом мечта многих передовых устроителей государства нашего переженить азиатов на русских, обрусить их. А зачем китайцам православие, когда их вера и так глубока и осмысленна?

Пахнуло от ветра и вида моря не только водорослями и волей, но и тревогой большого мира, торговых предприятий, войн, событий, от которых не отсидишься в теплом, укромном уголке гнезда за стенами. Ведь и птицы перелетные уходят за эти моря, высиживая детенышей. Этот мир доплыл на кораблях до «стен недвижимого Китая».

А корабли с дымом труб и без дыма и без труб, с мачтами без парусов и с парусами были еще далеко-далеко.

Глава 10. Бар реки Пейхо

Путятин не сидел без дела. Он стоял в Печилийском заливе, или, как тут говорили, «в море Печили», на своем белоснежном пароходе «Америка» с огромными красными кожухами по бортам над колесами.

Берег виден. Это темная низкая полоса. Там устье реки Пейхо, так на эскадрах европейцы называют Хай Хэ. На картах она под этим же названием.

Там сплошные мели, вход заметить можно, когда паруса тяжелых морских джонок с грузами в Тяньцзинь из разных городов Китая уходят в пески, петляют там мимо фортов крепости Даго.

Все время ветры в Печилийском заливе, временами немилосердно качает, будь он проклят! Всем в тягость. Кажется, кроме Евфимия Васильевича, который так воодушевлен идеями и так привычен к морю, что внимания не обращает.

Ставка генерала Тянь Тин Сяня, главнокомандующего китайскими войсками на устье Пейхо и в крепости Даго – он же губернатор столичной провинции Чжи-ли, – находится в монастыре, который подымается за деревьями сада из-за низкой стены. Ставка видна отлично. Монастырь совсем близко от фортов. Башня его и деревья на возвышенности показывают ясно, где пребывает командующий; преотличная мишень для корабельной артиллерии англичан и французов. Путятин уже предупреждал Тяня, что он не на месте расположился; да что толку подавать ему советы? А первыми же залпами его ставку снесут вместе с самим Тянем, если не поступит по древнему правилу стратегии – при неудаче спастись бегством.

Когда выдаются редкие тихие утра, при игре света и тени с палубы монастырь кажется плывущим в воздухе.

У Путятина есть большая черная книга, подобная тем, что заведены еще во времена португальского и испанского владычества на морях. По их примеру он, как и многие капитаны во всем свете, каждый день записывает все новые сведения и все свои соображения о плаваниях. Он как бы составляет конституцию для будущих моряков и дипломатов, которые придут к берегам Китая. Обладая множеством важных сведений и собственных наблюдений, он полагал, что все это не должно пропасть, со временем может пригодиться не только ему, но и поколениям других моряков. Уж не говоря о составлении планов на будущее, о наших действиях в Китае.

...Китайцы в приморских городах, в Кантоне, Шанхае, меняются, становятся теперь не теми потешными оригиналами, какими их описывали в пору испанских и португальских открытий. Конечно, и тогда бывали из них смелейшие воины и богатыри. Разденется такой рыцарь и полуголый с косой, весь в мускулатуре, вооруженный мечом или копьем, ловкий до невероятности, ничем не уступит европейцу с огнестрельным оружием.

А ныне китайцы в приморских торговых городах отличны от своих собратьев из мандаринской бюрократии, много впитывают они и хорошего от европейцев, с которыми ведут обширные дела с миллионными оборотами. И которым поставляют все, начиная от шелков и фарфора и кончая пороками...

Такими, говорят, становятся и тяньцзиньцы, хотя их город не портовый, не у самой воды, а на порядочном от нее расстоянии, которое надобно пройти сушей или по реке. Но Тяньцзинь живет морем, морской торговлей и промыслами, славен самыми вкусными деликатесами, которые кудесники, тяньцзиньские повара, превосходя столичных соперников, готовят из разной рыбы и морских чудовищ, из слизняков раковин, морских червей, из черепашьих осьминогов, а особенно из разных сортов капусты. А любимые китайскими гурманами блюда из мяса молодой собачки в Тяньцзине не в фаворе. Но как в Тяньцзинь попасть? Посол России пришел не за кушаньями, не за знаменитыми тяньцзиньскими пирожками, но знать надо все, чем город славен и чем живет; дипломат должен суметь польстить самолюбию властей и особенно обывателей, купцов и ремесленников, вовремя отдать должное величию предков горожан. И их подвигам, и черепашей яичнице.

С главнокомандующим, губернатором Тянь Тин Сянем знакомство устанавливается. С его мандаринами дела налаживаются, они бывают у Путятина на корабле. Среди них есть молодые толковые чиновники, особенно хорош любимец здешнего губернатора мандарин Бянь.

Он напоминает тех юных красавцев, которые изображаются на старинных китайских рисунках как идеал красоты и силы: хорош собой и строен и при всей миловидности далеко не женственен. Чувствуется, что под шелковым халатом каждый мускул его тела играет. У них свои упражнения, укрепляющие тело. Сильный китаец мастерски берется голыми руками за противников в борьбе, а в драке помогает при этом себе ногами.

Бянь уже освоился на пароходе «Америка»: всех знает, кланяется с американскими механиками, умеет обратиться почтительно и достойно к офицерам, а некоторых матросов зовет ласково по именам: «Саша! Петя! Вася, здравствуй! Как поживаешь?» Быстро выучивает русские слова и разные названия.

Не в пример некоторым гонконгским молодым людям без кос, получившим кое-какое английское образование, одетым по-европейски, служащим переводчиками на британской эскадре и рекомендующим себя англичанами, Бянь носит косу, и при этом его элегантности, ладной фигуре, перехваченной в талии кушаком цвета родовой знати, росту и хорошим манерам позавидует любой англоизированный собрат. Дыхание времени доносится к ним и сюда, в города, близкие столице и Китайской стене, выходящей к заливу Печили северней крепости Даго.

Итак, у Путятина свои обдуманнные и обширные планы. Его решительному характеру свойственны смелые замыслы, которые он готов по-адмиральски добросовестно исполнять. Он сторонник прогресса и деятель обновления. Он теперь обрел превосходный колесный пароход, обладающий всеми достоинствами для плавания и в глубоких морях, и по мелким рекам. И если Тянь Тин Сянь пригласит Путятина пройти в Тяньцзинь, это в силах Евфимия Васильевича. Тем более с китайским лоцманом.

Тут не Япония, где Евфимий Васильевич был без корабля и пребывал в полной власти тех, с кем трактовал. И то нашелся. Добился успеха, пребывая в невыгодных условиях. Сравнить нельзя с тем, что было в Японии. Теперь он – всеевропейски признанный авторитет, открыватель, дипломат с заслугами, обласканный государем, возведенный в графское достоинство.

Как и в Японии, намерен он и тут опередить соперников, оправдать доверие своего государя и просветить здешний народ. Правда, помехи тут большие, из Петербурга есть неприятные инструкции, про которые он спутникам своим не докладывает и сам старается не думать. Не в них суть. Конец – делу венец. Победителей не осудят. Путятин всю ответственность берет на себя. Он уверен, что будет победителем, осуществит замыслы. Для этого надо держать язык за зубами.

От мыслей и молчания Евфимий Васильевич переменялся, немного обрюзг лицом, как безработный бродяга; заметно тем, кто знал его прежде, в годы блеска и успеха, рассвета его таланта, в войну, в Японии.

На рейд, где стоят большие и малые корабли союзников, все время приходят новейшие канонерки с небольшой осадкой, видно, чтобы при штурме ворваться в реку, перейдя мели.

Про Тяньцзинь всем и все давно известно. У англичан и французоз артиллерийские офицеры располагают планами крепости Даго и занимаются расчетами и вычислениями: как, откуда стрелять при штурме, навесами или прямой наводкой. Высчитывают свои траектории. У адмиралов и капитанов речь про повседневные заботы. Планы высадки готовы и у них.

Англичане и французы уверены, что возьмут крепость. Но близок локоть, да не укусишь. У входа в реку Пейхо мели, непроходимый бар. Хотят идти до Тяньцзиня, а дальше будет все понятно само собой. Надо зажать торговый путь с юга Китая по Великому Каналу, выход товаров к столице, обречь Пекин на голод.

Послы морских держав из своих планов секретов не делают и обо всем открыто признаются Путятину. На рейде Пейхо мощные эскадры англичан и французоз. Гигантский пароход «Монитоба» под американским флагом. Русский пароход «Америка». Английский посол лорд Элгин частый гость Путятина. С французским послом бароном Гро в тесной дружбе Евфимий Васильевич по многим соображениям. Более по вкусам и расположению друг к другу, чем по политическим целям. С американцем Ридом полная дружба и понимание общности политических задач. Самый крепкий орешек – это сэр Джеймс Элгин. Он постоянно бранит китайцев. Путятин и сам на них зол, иногда кажется ему, что, мол, возьмутся за вас англичане, устроят такое же побоище, как в Кантоне. Так вам и надо, пусть вас потряхнут как следует, сколько еще можно упорствовать. Элгин уверяет, что они, англичане, хотят мира, что войну начнут только в крайнем случае. Мол, мы не военная, а торговая нация! Это известно давно и всюду. Что их прельщает не покорение многомиллионного народа, а торговые выгоды, которые много пользы дадут и той и другой стране.

Покачивает изрядно. Но это не беда. Евфимию Васильевичу привычно, как морскому льву или кашалоту. Он в японскую экспедицию три года качался на волне по морям и океанам. А когда пришел в Японию, его долго не пускали на берег, пока фрегат «Диана» не погиб во время цунами. Волны ему не вредят. Как бы делая вызов стихии, купил в Шанхае китайскую джонку. Вozит он то на нее, то обратно на «Америку» свою черную книгу и, уединяясь ради обдумывания дела, чувствует себя хорошо на джонке в любую погоду. Бьет, бросает, хлещет

водой, катает вал за валом по палубе. А джонка не пароход. Качка и на «Америке» дает себя знать. Но Евфимий Васильевич в положенное время надевает очки и садится за крепко принайтованный стол...

Американский посол Рид жалуется, что надоедает качка и отбивает охоту к делу, что ушел бы в Шанхай, но ждет, когда англичане начнут войну, надо посмотреть. Чтобы все знать, а потом подать пример гуманной демократии китайцам. Он подозревает и Евфимия Васильевича в такой же политике.

В своем салоне на пароходе Путятин закончил очередное послание в Пекин. Переводчики архимандрит отец Аввакум и доктор Алексей Татаринов все проверили, перевели, переписали начисто, скопировали. Работы в посольстве всегда много, такие же бумажные дела, как в Петербурге.

Путятин вызвал Петра Сизова, спутника своего по японской экспедиции. Нынче Сизов произведен из матросов в офицеры. Сизов, решивший выбиться в люди, годы занимался самообразованием и сдал экзамены. Ждет документы. В Японии сходил с японкой, которую за связь с иностранцем японские бюрократы отдали в публичный дом, открытый для иностранных моряков.

Петруха скрытный, крепкого характера, но, когда уходили из Японии, заметно было, что нелегко ему оставлять Фуми в заведении. И взялся он учиться.

Путятин сказал Сизову, что ветер стихает, море улегается. Утром надо на шлюпке идти на берег, доставить доктора Алексея Александровича с бумагами.

По старой памяти адмирал поручал Сизову опасные переходы. Полюбовался на него: красивый мужик, славянского типа, каких набирают во флот из Костромы.

А Сизов помнит Евфимия Васильевича не обрюзгшим, а свежим, молодым.

На берегу у Тяня из Пекина может быть почта из нашей духовной миссии или из Ямыня внешних сношений для Путятина. Татаринов все узнает. Надо будет дожидаться, пока суть да дело.

Утром не стихло. При слабом волнении пошли за мелью на шлюпке и сразу подняли парус. Путятин некоторое время смотрел вслед и пошел к себе. Дела его с Пекином не ладилась.

Дуло все сильнее. Пришел на вельботе английский офицер в зюйдвестке и синем жакете. С нашим вахтенным офицером обменялись приветствиями и пошли по мокрой качавшейся палубе как на паркете в бальном зале.

Элгин прислал любезную коротенькую записочку Евфимию Васильевичу с приложением копии своего письма в Совет внешних сношений в Пекин к премьеру Юй Чену.

Так копии всех бумаг послы посылают друг другу. Китайцы, наиболее смысленные в делах с иностранцами, подметили, что у всех европейских представителей, несмотря на разницу их намерений, существуют общие интересы. И что, по сути дела, они едины, как ни разобщены из соображений выгод и политики.

Крепче других спаяны Элгин и Гро, а другую партию составляют Путятин и Рид. Симпатии взаимны, а интересы перекрещиваются, сторонники и противники любезны друг с другом. Все меняют мнения, и получается, что все союзники и все соперники. Если китайцам и может быть обидно за кого, то только за него и за Россию, как за своего соседа. Так полагал Евфимий Васильевич. Желал бы Путятин снять с себя это пятно, разубедить соседей, да как это сделать!

Коротенькая записка сэра Джеймса!

Очень мила эта переписка, заменяет здесь, среди моря, на виду враждебных крепостей, европейские газеты и все другие средства сообщения.

Как жаль, что все эти записочки и все, что касается отношений английского посла с русским в заливе Печили, было потом разворовано из архивов, может быть, продано.

Англичане согласны, что Юй Чен входит в Пекине в большую силу. Тому свидетельство – сегодняшнее письмо Элгина, адресованное правительству Китая, выражающее настоятельный призыв к благоразумию, мирному решению конфликта. В тоне английского посла заметна некоторая перемена к лучшему. Путятин давно старается отвести кровопролитие, склонить китайцев на уступки, а союзников убеждает не начинать войны.

Путятин убеждает Элгина не требовать лишнего. Сэр Джеймс выслушивает доводы, похоже, что колеблется, и похоже, что ждет удобного момента, а скорее всего новых подкреплений.

Тем временем, как доходит до Путятина, британские переводчики из гонконгских китайцев объясняют мандаринам на берегу, что Путятин пришел на одном корабле не из миролюбия, а оттого, что других у него нет. Он действует хитростью, притворяется от слабости.

Пароход «Америка» кидает все сильнее. Английскую шлюпку подняли в ростры. Лейтенанту придется ночевать, ему отвели место в каюте с Татариновым, который отправился к Тяню. Наши задерживаются на берегу.

В кают-компании с гостем пошутили про общие невзгоды. На столе появились острые китайские блюда, фрукты и деликатесы. Все это на корабль посла Путятина присылается с берега из кухонного заведения при ставке Тянь Тин Сяня. Секрет из этого зачем же делать? Угощение редкое и вкусное. К нему приятное вино. Разговор с английским офицером сразу потеплел.

Спросил, как идут дела. Англичанин ответил, что задача трудная, шлюпки каждый день посылают с промерами, берега описываются. Но не могут найти переход через бар реки. Вчера все обратили внимание, что при ветре с берега пошли китайские груженные лодки с моря, так называемые шанхай-гуани. Шли вдоль берега, а потом сплошной вереницей в реку.

– Да, да! И наши заметили это движение при западном ветре...

С некоторой аффектацией молодой человек стал рассказывать, что, видя все это, сам пошел на шлюпке за шанхай-гуанями, в кильватере китайского купца потяжелел. Расчет, что удастся пройти глубоким фарватером; китайцы заметили и пытались мешать, заманивали не туда, сами при этом садились на мель. Китайцам пригрозили. Их мачтовые лодки сбились. Пока, проходя за джонками, глубин не нашли, но исследования не прекратятся. Все же удалось заметить, где они проходят: там, где скопились и встали, делая вид, что обмелели. В крайнем случае придется схватить китайского лоцмана и заставить. Но пока командование не соглашается.

Утром англичанин ушел с ответным письмом Путятина. С берега прибыла наша шлюпка. Алексей Александрович доставил письмо от Тяня. Из Пекина прибыли два сановника У и Чун. Готовы встретиться с Путятиным.

Стоило сообщить об этом Элгину. Касается и его. Лишний предлог отвлечь сэра Джеймса от поспешных решений.

Самому Путятину надо спешить. Союзники вот-вот потеряют терпение. Тогда колесо вспять не повернешь. Китайцы явно отдавали предпочтение Путятину перед всеми другими послами, а дело и у него не шло. Нужна встреча с главнокомандующим армией и губернатором провинции Тянем на берегу.

Путятин воодушевился, отписал Тяню: готов к встрече с ним и с сановниками, будет настаивать на принятии его в Пекине на основании статьи 9 Кяхтинского трактата 1728 года, когда постановлено было принимать русских послов в Пекине. Он лишь должен все объяснить в столице. Обещает по прибытии в Пекин не утруждать его богдыханское величество, снесется с членами Верховного Совета, обсудит спорные дела между Китаем и европейскими державами. Готов дать советы. Ему легче отклонить западных послов от начала войны, если сам поедет в Пекин, а не будет действовать письмами с моря.

Впервые Евфимий Васильевич выложил в официальном письме свое намерение при переговорах в Пекине уточнить подробности предоставления помощи Китаю в случае неблагоприятных политических обстоятельств и если это будет необходимо. Подразумевалась помощь оружием и инструкторами.

– Экие лежебоки у них в Пекине! Меч занесен над их головами, а они хоть бы что, – сказал взлохмаченный Евфимий Васильевич, передавая написанные им в Пекин бумаги своему секретарю и переводчику отцу Аввакуму. – А богдыхану хоть бы что, сидит в гареме и кунки гладит своим красавицам.

Подошла яхта. Оказалось, посол Англии прибыл. Не дожидаясь парадного трапа, схватился за конец и, как матрос, перемахнул борт.

Элгин пожал руку адмиралу. Пошли по-приятельски, как матросы в поздний час по качающейся припортовой улице.

Элгин кивнул на джонку, купленную Евфимием Васильевичем в Шанхае, которая в двух кабельтовых от парохода отчаянно качалась на волнах:

– Это рабочий кабинет?

– Да, – ответил Путятин. Добавил, что для обдумывания важных дел предпочитает находиться в одиночестве.

На пароходе всегда возня, это еще можно стерпеть, но, кроме того, происходит болтовня, кто-нибудь из офицеров непременно занимается не тем, чем надо. Чувствительный слух нервного адмирала ловит голоса, даже самый слабый гуд через все переборки. Им на ум не придет, а его бесит. Шум моря – это явление природное, привычное и не раздражает, как люди, которые так и бубнят что-то и не понимают, что адмирал все время занимается. Напротив, волны, даже в шторм, успокаивают, это сама стихия, которая бережет нервы моряка.

В мальчишеском возрасте восторг чувствуешь, едва взойдешь на палубу. И вне себя от счастья, когда корабль пойдет. Такелаж, рангоут, паруса, вооруженные матросы и офицеры... А ведь каждый из теперешних офицеров все это в свое время тоже чувствовал. А теперь они идут в плавание ради выгод, может быть, скорбят от разлуки. Но более всего, наверно, думают о том, в каких портах удастся пожуировать.

Не только рабочий кабинет, но, как знал Элгин, и посыльное судно.

Элгину нравился пароход «Америка» по многим причинам. Такого нет в британской эскадре, а очень был бы нужен. Мелко сидит, может пройти через мели, устойчив, на волну всходил легко. На «Америке» не качает так сильно, как на «Фьюриосе».

Пароход Путятина построен для входа в реки; качку, которая продолжается без перерыва целый месяц, переносит превосходно. Строили его янки. Они умеют.

За обедом сэр Джеймс признался, что в голове у него сидит забота. Бар реки непроходим.

– Что делать? Стоять бесконечно и ждать? Нельзя упускать время.

От приезда уполномоченных У и Чуна, как полагал Элгин, ничего существенного ждать нельзя. Шлюпки с британских кораблей входят в реку, делают промеры. Китайцы недовольны, но не стреляют, не смеют препятствовать. Британские шлюпки пойдут и выше в реку, произведут промеры мели и бара со всех сторон. Китайцы потопили на реке две старые джонки, хотят устроить препятствие. Говорят, натянули цепи от берега до берега.

– Там, где джонки потоплены, там и фарватер должен быть, – заметил Путятин. Впрочем, англичане все это и без него знают.

Джеймс Элгин всегда и везде занят делом. Он терпелив. Все изучает. Но наконец и его тут проняло. Стоянка затягивается непомерно, а все причуды британской парламентской демократии и гуманизма не предусмотритишь. Чего же ждать?

Элгин сказал, что завидует Путятину, что ему приходится иметь дело с самодержавным монархом, который может все решить сам. Что над Евфимием Васильевичем нет парламента,

этого громоздкого учреждения, в котором не столько занимаются делом, сколько болтовней и без согласия которого ничего не решить там, даже когда время не ждет.

Путятин не стал говорить, но ему представляется все не так, а наоборот. При парламенте в России его имя гремело бы на весь мир, его знали бы и в своем отечестве, и в народе, он служил бы примером для поколений, а при монархе известен лишь во дворце и в адмиралтействе, и только редкий случай может быть, если упомянут о нем в английском парламенте, чего можно зря прождать всю жизнь, какие бы ни были заслуги и подвиги. У нас вся деятельность Путятина происходит в царствование либерального государя императора Александра II, чем, собственно, и знаменит каждый, как и вся новая эпоха.

Волна обдала пароход, залила его до колес и тут же повалила через себя в яму.

– Наше месячное пребывание в заливе Печили подобно стоянке на якоре среди Атлантического океана, – хладнокровно процедил сэр Джеймс.

Путятин, с которым у Элгина после ухода из Гонконга снова установились дружественные отношения, опять пользуется влиянием в концерте послов морских держав, которых вместе с их эскадрами вот эта стихия треплет и треплет в Печили.

Дружбой и под всякими предложениями Путятин старается отвлечь Элгина от решительных действий. Сэр Джеймс уже располагал десятью тысячами солдат для высадки десантов. Не входя в реку, можно снести всю крепость огнем корабельных орудий.

Матросы и солдаты терпят. Волны всех бьют и катают по волнам, всех томит скука. Люди смотрят проще дипломатов: их привезли воевать, они рвутся на берег. Там, может быть, ждет их не только опасность. Что еще надо нашему послу? Такой вопрос может задать каждый. Все готово, виноватого всегда можно найти. Главнокомандующий для этого самая подходящая личность.

Родной брат Элгина и его дипломатический советник Фредерик Брюс уверяет, что Путятин интриган, держится с ним вежливо, но холодно. Сэр Джеймс полагает, что Путятин нам нужен. Влияние русского посла на китайцев возрастает, и у него всегда есть информация от посольства в Пекине. В то время как у нас накоплена сила и нервы начинают не выдерживать, а качка, скука и безделье как в сумасшедшем доме. Через своих людей среди береговых китайцев капитан Смит многое выведывает. Смит подтверждает, что Путятин усиленно убеждает китайскую сторону уступить, не доводить до войны, но при этом защищает лишь умеренные требования европейцев.

С тех пор как Путятин обманул Элгина во время войны в Кантоне и вышел сухим из воды, сюда он явился чистеньким и здесь у него происходят встречи с мандаринами, тут нет никаких излишних подозрений, коллега играет надвое.

Но сэр Джеймс никогда бы не унизился обнаружить хоть тень подозрения. В его положении приходится ценить любую возможность получения информации и обмена мнениями. Граф Евфимий Васильевич от этого не уклонялся и, в свою очередь, ждал многого от сэра Джеймса.

А бар непроходим. А китайцы тянут и упрямятся. Качка усиливается.

Элгин не моряк, но не хуже любого моряка. Он знает штурманское дело, может сделать обсервацию, понимает толк в паровых машинах, при случае сам может вести корабль, но не в свои дела никогда не лезет. Он терпелив, привык к опасностям, стоек, умеет заставить себя казаться бесстрашным, в бою под Кантоном стоял под пулями и ядрами.

Лицо загорелое, большое, открытое, с короткими темно-русыми усами и с прямым носом. Черты его приятные, даже когда начнет хитрить или становится зол как волк и как волк может схватить мертвой хваткой, что и показал в Кантоне. А лицо при этом сохраняет выражение вежливости и спокойствия.

Глаза цвета моря смотрят прямо, дружелюбно и честно. Лицо сытое, как у всех у них, выражение серьезное и доброе, но бывает и пасторское. Отдает аскетизмом. Это опасные

натуры с сильным потаенным темпераментом. Бывает, значит, и завистлив, и лжив, но и тогда смотрит прямо в глаза.

Китай никому даром не дается. Евфимий Васильевич брюзгнет, а сэр Джеймс лысеет. Чуть-чуть, а оба меняются – становится заметно.

– Если бы не этот бар, я бы давно ввел флот в реку. Если бы ввел в реку флот, то разгромил бы всю крепость, это ясно.

– Как им объяснишь! – откликнулся Путятин.

– Втолкните им, граф Евфимий Васильевич.

Путятин опять помянул про надобность переговоров с послами У и Чуном.

– Что я буду с ними чин-чин! – ответил сэр Джеймс. – Это мелкие сошки.

Элгин, бывая на русском пароходе, всегда присматривался к его офицерам, словно кого-то разыскивая. Ветер резко переменялся, стало стихать. Николай Матвеевич повел гостя в машинное отделение показать изобретение наших инженеров, пригособившееся американскому механику.

– А вы не были в плену в Гонконге? – спросил Элгин, призадержавшись с Чихачевым на палубе.

К чему бы такой вопрос? Ведь Элгин бывал на «Америке» еще в прошлом году в Макао. Его офицеры знакомы с Чихачевым с тех пор, и давно можно было узнать, попадал ли он в плен. Что все это означает? Подозрение или симпатии?

Николай Матвеевич ответил, что из его офицеров был в гонконгском плену только мичман Михайлов, но он ушел в Россию.

Настроение сэра Джеймса меняется, когда бывает на пароходе «Америка».

В молодости, когда еще не был Элгином, а был Брюс, женился, как он полагал, по любви и вполне счастливо и без оглядки на выгоды, но получилось вполне в согласии с принятыми средой обычаями и понятиями. Он стал образцово счастлив. Совесть его всегда и во всем чиста, за исключением тех периодов, когда он задумывался о судьбе человечества. Может быть, само соблюдение обычаев среды и приличий есть разновидность расчета на карьеру и оглядка на богатство. Он этого не чувствовал. Положение семьи невесты, репутация в своем классе не имеют ли характера приданого? Да, может быть. Дело не в этом. Все гораздо ужаснее в действительности. Джеймс скрывает свое чувство. Здесь, в колонии, у Энн, несмотря на ее юность, были вес и положение, может быть, даже большие, чем когда-то в метрополии у невесты молодого Джеймса.

Собственные заслуги Энн очевидны. Она от всего готова отказаться и уйти с ним в Австралию. Она говорит, что у нее есть страшная тайна. Это не имеет никакого значения. Банально, но он любит так, как никогда не любил.

В годы ранней молодости Джеймс, оказывается, даже не знал, как все это бывает, и вообще не знал он никаких настоящих увлечений, словно у него не было молодости, он жил более умом, мыслями, впечатлениями от речей и парламентских кафедр, и поступки его были благородны, словно он родился благовоспитанным стариком, который всю жизнь занимается спортом для поддержания физической силы и ораторского искусства, изучавшим любовь по либеральной литературе.

Глуп и тот либерализм отрицания всякого порядка, который сулят вожди умов с кафедр. Что сказал бы здравомыслящий фермер, отец сыновей, кормильцев, солдат острова, если ему предложить такую революционную программу отрицания порядка, благополучия и честности ради свободы и саморазвития чувства ради чувства без границ? Поэтому Джеймс не поколеблется, он пойдет с Энн в Австралию, он возьмет в руки лопату. И он построит дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.